Смерть оловянных солдатиков

Автор:
Андрей Ильин

Смерть оловянных солдатиков

Андрей Александрович Ильин

Обет молчания #14

Для солдата, полжизни находившегося в горячих точках, выжить в родном государстве оказалось непросто. Тайная война не дает шанса остаться в стороне, и бывший боец начинает самостоятельно разрабатывать сложнейшую операцию, от исхода которой зависят жизни многих тысяч людей. Он, отсидевший шесть лет в тюрьмах различных государств, решил во что бы то ни стало переломить ход событий, ведущих к неминуемой гибели…

Андрей Ильин

Смерть оловянных солдатиков

© А. Ильин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Солнце встает над степью. Выкатывается багровым полукружьем. Высветило землю, песок, сухие кусты и тысячи тысяч всадников.

Сидят всадники на кургузых лошаденках, сидят, навалившись грудью на их гривы, – спят, не слезая с седел. Лица их страшны и невидимы из-под наростов грязи, носы разбиты и расплющены еще в младенчестве, чтобы ловчее было надевать боевой шлем, волосы спутаны как конские хвосты, одежда почти истлела на теле. Переступают кони, ищут сухими губами траву или кустик. Но нет ничего – вытоптано все копытами тысяч лошадей.

Утро! Гортанные выкрики. Проснулась, зашевелилась орда. Тут же, не сходя с коня, справили нужду. Вытянули из-под седалищ куски сырого мяса, которые разбили, размягчили во время дневного перехода, сидя на них на скаку, разогрели собственным телом. Стали есть, рвать мясо серыми от пыли зубами.

Где-то там, позади, стал просыпаться, галдеть обоз с женщинами и детьми. Ожила степь, зашевелилась на десятки километров. Тронулись, закачались всадники, вольно сидя на конях – кто промеж ног, кто боком, кто ноги под живот поджав. Нет у них изб, нет юрт, нет дворов, ничего нет. Конь для них и жилье и постель, с ногтей младых до самой смерти – на них ездят, спят, воюют, едят, умирают… Всю жизнь, как будто в хребты конские вросли, единым существом став – кентавром мифическим. Сойдя с коня, сто метров не пройдут в козлиной своей обувке.

А на коне – нет им равных в скачке или в бою. За спинами луки тугие, из которые бьют они на скаку без промаха за сто шагов, не придерживая бег коня. Сбоку арканы приторочены, от коих спасения нет ни зверю, ни человеку. Идет лава! Гудит земля под тысячью тысяч копыт. Качаются фигуры, сливаясь в единую, серую массу. Пыль закрывает солнце. Все живое убегает, прячется или умирает под копытами коней и колесами повозок. Ничего не остается позади, кроме вздыбленной, перепаханной, мертвой земли.

Идет орда на погибель народов и цивилизаций. Неспешно, страшно, неотвратимо. Ничто не может остановить ее – ни горы, ни реки. Никакой силе с ней не совладать. Потому что нет такой силы, которая способна остановить тысячи тысяч безжалостных кочевников. Разграбленные, сожженные города, смердящие трупы воинов, их жен и младенцев отмечают их путь. Никому нет пощады. Кровью вспухают реки, и ручьи выходят из берегов.

Страшные времена ждут Европу. Неисчислимые бедствия. Горы трупов. Упадок городов. Гибель целых народов.

Варвары идут в Европу…

* * *

– Ну и картинку вы нарисовали, профессор.

– Самую обычную. Из не такого уж далекого прошлого. Жизнь есть борьба. За территории, стада, пастбища, воду, женщин соседнего племени и другие жизненно важные ресурсы. Люди воевали всегда. Чтобы выжить. Это всего лишь естественный отбор. Чем мы отличаемся от животного мира? Тем, что ходим на двух ногах? Или пользуемся айфоном? Дайте мартышке телефон, и она тоже с удовольствием будет тыкать в экран пальцем, а за угощение встанет на две лапы… Давайте исходить из реалий, из того, что человек лишь один из видов животных на этой нашей с вами общей планете. Пусть более развитый, но тем не менее… А раз так, то он подчиняется всем биологическим законам, которые сам же и сформулировал.

– Так ли?

– Так. Подумайте сами – человек живет, сбиваясь в «стаи», занимая и метя границы своих территорий. Пусть не каплями мочи и не обдиранием стволов деревьев, а пограничными вышками и контрольно-следовыми полосами – сути это не меняет. Стая метит и охраняет свою территорию, не пуская туда чужаков. Но стая размножается и ей начинает недоставать ресурсов. И она начинает захватывать соседние участки, изгоняя или убивая своих «пищевых» конкурентов. При этом, должен заметить, все прочие виды животных куда милосердней – они нападают, грызут свои жертвы, рвут их когтями, топчут – но не более того. Скольких «врагов» может задавить лев – два, три, ну пусть десяток. А человек?.. Человек для отстрела себе подобных изобрел луки, копья, метательные машины, порох, огнестрельное оружие, динамит. Чтобы убивать сотни! Газовые камеры, наконец, чтобы счет пошел на миллионы! Может лев придумать газовые камеры?.. Мы более жестокие животные, чем самые хищные звери. Хотя гордимся тем, что умеем читать и писать книжки и изобрели компьютер. И что с того? От этого нарушаются биологические законы? Ничуть! Закон он и есть закон. Как – всемирного тяготения. И от того, что мы такие умные, яблоко не полетит вверх. Теперь мы переживаем, что идет экспансия очередных «варваров». А вы как хотели? Это же естественный биологический процесс. «Стая», владевшая Европой, одряхлела, сточила коготки и должна

уступить место более жизнеспособному виду. Пока она еще огрызается, но скоро… Скажу больше, сегодня мы присутствуем при глобальной трагедии заката белой расы. И это уже почти свершившийся факт. Скоро она исчезнет окончательно, уступив место конкурентам.

– И как этому можно противостоять?

– Глобально? Если глобально, то есть лишь один выход. Единственный и естественный – размножаться.

– Кому?

– Нам с вами! Мне, вам, соседу… Всем! Снять штаны и начинать воевать! Каждый на своем участке! В этой войне одолеть ворога мы можем только на этом фронте – на сексуальном!.. А что вы улыбаетесь – это война, биологическая, ни на жизнь, а на смерть! И оружие – соответствующее – то самое, которое в штанах и которым надо пользоваться по прямому назначению! Именно так происходит в природе – если популяции начинает угрожать вымирание, то это компенсируется всплеском рождаемости. Кстати, в человеческом социуме после больших войн наблюдается та же тенденция! А иначе нельзя! И если мы хотим победить, мы должны действовать как на войне – двадцать второго июня, ровно в четыре часа! Обратиться к нации, сказать: «Братья и сестры! Отчизна в опасности… Родина-мать зовет», ну, или что там еще в таких случаях говорят… Объявить всеобщую – от четырнадцати до девяносто лет – мобилизацию мужского населения, поставить под ружье, ну, или как-нибудь еще слабый пол и обязать всех, со всеми, каждый день, под страхом трибунала и законам военного времени. Карать отступников и дезертиров, которые увиливают. Раздавать награды особо отличившимся. Может быть, даже ввести звание Героя этого самого фронта. То есть мобилизовать нацию на отпор, чтобы как один человек! Но чтобы все! Да-да, именно так!

– Но это в целом…

– А вам нужно конкретно? Тогда запретить под страхом ссылок и конфискаций всего имущества аборты. Закрыть границы, потому что утечка мозгов это ерунда по сравнению с утечкой генофонда! Далее стимулировать родивших женщин, причем пропорционально числу детей: родила одного – на тебе деньги, двух – вот тебе квартира, трех – получи трехкомнатную, четырех – четыре комнаты,

плюс оклад как у квалифицированного рабочего, а если десять – как у министра, и детям образование бесплатное! И слава, и почёт само собой! Перестать осуждать матерей-одиночек, а, напротив, повысить их социальный статус, поощрять материально. Чтобы они без оглядки на мужиков… Чтобы не боялись с голоду помереть, а как сыр в масле! Соответственно, в регионах, где ощущается нехватка мужчин, разрешить многоженство. Да, да! Ведь наш противник допускает многоженство? То есть использует в войне это мощное оружие? А мы его отчего-то запрещаем. А как тогда побеждать? Каждая наша женщина должна родить десять детей. Каждый мужчина «покрыть» сто самок! И так, помаленьку, но неуклонно, начинать наращивать белую популяцию, чтобы территорию свою отстоять! Размножаться, аки кролики!

– И что, другого пути нет?

– Отчего же, есть и другие. Только они не пройдут. Не по зубам они нынешней цивилизации. Размякла она. Для этого лидеры должны появиться, которые интересы своей нации будут ставить выше личной безопасности. И потому смогут принимать «непопулярные» решения.

– Как Сталин?

– Как Сталин. Да хоть как Гитлер. Это теперь Германия никак не может решить вопрос с беженцами. А лет семьдесят назад… Смею вас уверить, три-четыре концентрационных лагеря с печами решат вопрос с беженцами в течение пары недель. Можете их даже не сжигать, можете экскурсию провести по местам будущего компактного проживания. И пригласить жить в Германию. Этого будет довольно, чтобы они с места в тот же день снялись. И даже денег на билет не попросили… Ну, или хотя бы гоняйте их на общественные работы – пусть дороги строят, каналы копают, за тяжелыми больными ухаживают, дерьмо лопатами разгребают. Пусть хоть что-то делают! А если нет – вы соберете в свои границы всю иноземную шваль, которая вас же потом и сожрет!

– И какие ваши прогнозы?

– Хреновые мои прогнозы. Никто ничего делать не будет. Потому что демократия и болтология… Размягчение политической воли! Будут их принимать, кормить-поить, жилье давать, платить социальные пособия и пособия на детей, стимулируя рождаемость. У них стимулируя! Потому что сто пятьдесят – двести

евро на ребенка это хорошие деньги. А если десять детей – то большие деньги, на которые там, на родине, можно дом трехэтажный построить и всех родственников обеспечить! Потом эти детишки, достигнув совершеннолетия, начнут выбирать в органы власти своих единоверцев. И став большинством, писать законы под себя и против коренного населения. И потихоньку загонят их в резервации! Ну или они сами, по своей воле сбегут. Им даже ни с кем воевать не надо, шкуркой рискуя! Можно и так все забрать… демократическими методами.

– То есть мы обречены?

– Как белая раса – да. И не надо себя обманывать – посмотрите на Европу, где, к примеру в Англии, самым популярным именем новорожденных мальчиков стало имя Мухаммед. А? Каково? Или взгляните на Францию. Или на наш Дальний Восток. Война уже идет, и мы ее уже проигрываем по всем фронтам. Нас с вами осталось восемь процентов от всего населения Земли. А в начале прошлого века было пятьдесят! Вот и весь расклад. Если бы они теперь шли как гунны, ордой, мы бы их легко остановили одной-двумя атомными бомбами. А так…

– То есть вы считаете, что это нашествие «варваров»?

– А вы считаете по-другому?

– А что тогда в этом контексте терроризм?

– Это лишь катализатор процессов. Кому-то не хочется ждать. Кто-то сильно торопится.

* * *

Такой вот прогноз. Неутешительный, с которым не поспоришь. Прав профессор – эта война уже проиграна. Можно складывать оружие и расходится по домам. Но… нельзя складывать, потому что есть приказ, который нужно исполнять.

Спасти белую цивилизацию не получится. Но можно попытаться уничтожить террористов в отдельно взятом регионе. К сожалению, в одиночку, без соседей

справа и слева, без поддержки артиллерии и авиации, фронтовых или хоть каких-нибудь резервов, без финансов и баз снабжения. Один он в этом поле. Он один, их – орда. С которой он должен справится. Такая ему поставлена задача. Ее можно обсуждать. Но выполнить всё равно придется! Как? Одолеть врагов в открытом бою он не сможет. Да и никто другой. Прав был еще один его собеседник, утверждавший, что извне терроризм не одолеть. Не помогут здесь общевойсковые операции, развертывание моторизованных и танковых дивизий, массированные артобстрелы и ковровые бомбежки фронтовой авиации. Которых, у него, к тому же и нет! В кого стрелять? Кого бомбить? На кого наступать? На мирных жителей? Которые ночью выкапывают в огородах автоматы, а после, отстрелявшись по врагу, опять берут в руки мотыгу, надевая гражданскую личину? Как узнать, кто этот тихий декханин – мирный житель или заслуженный боевик в звании бригадного генерала?

Никак не узнать! И бомбу на него не бросить. И из гаубицы не долбануть. И танком к стенке не припереть. Не работают здесь армейские методы.

Конечно, можно достигнуть временного успеха – захватить высоты, шоссе и города. Разорить базы и уничтожить большую часть боевиков. А что дальше?.. Дальше вырастет новая поросль бойцов, встанет под знамена, и все начнется сначала.

Конечно, то, что не получается завоевать, можно попытаться купить. Для чего предложить хорошую цену лидерам боевиков. Осыпать их золотом и почестями. Подарить земли и дворцы. И позволить воровать и жить в полное свое удовольствие, привычным укладом. Так со своими горцами справился русский царь. Но так нельзя справиться с чужим народом. Сколько денег им не дай. Нужно либо раскалывать общество и учинять гражданскую войну, либо вступать в союз со всем миром, чтобы совместными усилиями накинуть на регион экономическую удавку… А кто на это пойдет? Никто! Здесь в восточной мути всяк преследует свои цели, всяк свою рыбку удит.

Тупик?.. Тупик!

Что еще можно придумать? Как уничтожить терроризм, пусть не повсеместно, но хотя бы на этой изолированной от прочего мира территории? И можно ли в принципе? Есть ответ на этот вопрос?

Отчего нет? Есть. Имеется один гарантированный, быстрый и ненапряжный способ. Так сказать, стопроцентно проверенный рецептик… Для того чтобы ликвидировать рассадник терроризма на той или иной территории, нужно… извести там население. Всё! Под корень! Нет населения – нет террористов! Именно так поступали завоеватели древности, которые, захватывая чужие страны, боролись с возможным сопротивлением и партизанщиной – вырезая все население, включая стариков и младенцев. Подчистую! И получали свободные от головной боли площади, пригодные для заселения и проживания.

Потом, лет через сто, приходили новые завоеватели и вырезали прежних. И опять лет сто – двести жили себе спокойно. Ну а потом все повторялось. И так хоть десять раз! Очень действенный метод. Но… в двадцать первом веке не проходит. Ну не атомные же бомбы по своим каналам прикупать и сбрасывать по площадям…

Нет, не пойдет! Нужно искать что-то другое.

Конечно, можно никого не резать, а проявляя гуманность и помятуя рецепты Вождя Всех Народов, выселить подозрительный контингент куда-нибудь за полярный круг. Подогнать суда, погрузить и отправить вокруг Скандинавии в Индигирку. Пусть они там лес валят, дороги строят и в снежки играют. Милое дело. Мороз, он сильно охлаждает горячие головы! До минусовых температур. Но… пороху не хватит. Это операция покруче войсковой. Это таким менеджером надо быть!

Тоже не пойдет. Ну и что в остатке? А ничего! Никаких подходящих рецептов. Понизить угрозу можно. Он уже ее понизил, расстреливая из снайперских винтовок главарей, взрывая базы боевиков, организуя кровную месть между бандитскими кланами, стравливая террористические группировки, интригуя всех против всех. Всё это он уже делал. И сделал… Сильно прорядив ряды боевиков, ликвидировав целые группировки, причем чужими руками. Они и теперь продолжают разборки друг с другом и будут продолжать, потому что зерна раздора посеяны и будут еще всходить. Он победил. Но не добился конечной цели. Он не выкорчевал террор с корнем. Он лишь срезал с костяка мясо, которое нарастет снова.

Он победил. Но проиграл. Почему?

В первый раз, понятно, он пытался решить проблему в лоб, извне. Пытаясь просто убивать и взрывать. Ничего путного из этого не вышло. Он убил многих, но на их место тут же пришли другие. Он попытался действовать исподтишка – чужими руками, организуя междоусобные войны, в которых погибло гораздо больше боевиков, чем когда он нанимал десятки профессиональных киллеров. Потому что, когда свои убивают своих, они это делают гораздо лучше. Потому что знают, где найти врага, как его выманить из норки и как сподручней убить. Они нагородили такое количество трупов! В чем же ошибка? Ведь в этом случае он действовал не снаружи, а изнутри, как советовал ему один мудрый человек. Как тот самый кукушонок, которого родители закидывают в чужое гнездо и он, выбрасывая из него других птенцов, один жрет приносимых червячков…

А ну, стоп!

Кукушонок… В гнезде… Внутри…

А ведь он не был внутри. В том гнезде возились, истребляя друг друга другие птенцы. Не он. Он лишь подбрасывал их туда. Подбрасывал информацию и создавал компроматы, которые их стравливали друг с другом. Войну в гнезде он организовал. Но его там не было! Не было! Так, может, в этом причина?

А ну-ка еще раз – победить террористов снаружи невозможно? Можно только изнутри? Точно, изнутри! Так, может, в этом дефект? Может, он не до конца погрузился в проблему? Побоялся испачкаться и стоял в стороне, наблюдая за чужой войной? Может так?

А как если до конца? Если по самые уши? Чтобы в самом гнезде?

Что, самому террористом стать? Ну, не чушь ли самому идти и… Конечно, чушь! Там и без него охотников хватает! И все-таки в этом что-то есть? Только что? Принять ислам, взять автомат и…

Нет, конечно, не трудно вписаться в ту или иную боевую группировку, правда для этого придется зарезать кого-нибудь или взорвать. Ладно, можно и на это пойти ради дела. Но что толку – вписаться, врасти, узнать всю подноготную этой конкретной группировки и… Так он и так много чего о них знает через завербованных «сексотов». Зачем же свою голову в петлю совать? Она у него одна на всех не хватит!

Нет, не проходит. Не может он стать боевиком сразу во всех бандах. И даже в двух по совместительству. Даже этого будет достаточно, чтобы его тут же вычислили и ликвидировали. Нет, не получается у него стать террористом… Ладно бы, если командиром, то не так обидно. Только кто его, чужака пришлого, в командиры двинет? И как, будучи командиром внутри одной банды, он про другие все разузнает?… Да никак! Они ведь все друг с другом конкурируют, а то и откровенно враждуют. А он еще в эти разборки маслица подлил и пороха подсыпал, чтобы лучше полыхало. И теперь так полыхает! То есть он сунется в междоусобные войны, который сам же организовал? Хорошенькая перспектива.

Нет, не вариант! Жаль, но…

И тем не менее… Есть тут какая-то здравая мысль. Какая-то зацепка, которая покоя не дает. Ну, есть же! Есть! Изнутри… Кукушонок… Гнездо… Боевики…

Стоп, стоп… А что, если так все повернуть…

А вот это совсем другое дело! Черт побери!

* * *

– Как вы осуществляете с ним связь? – спросил «Первый».

– Никак. У нас нет никаких его адресов или координат. Он вышел от нас и исчез. Совершенно. Он невидимка.

– Но он может связаться с вами при необходимости?

– Он – может. Мы дали ему несколько каналов связи, предложив свою помощь. Но мы и прошлый раз давали, только он ими не воспользовался. Он гуляет сам по себе, как…

Хотелось сказать: как кошка, но кошка – это очень милое и домашнее существо. А этот… этот скорее как гюрза.

– Держите меня в курсе.

А в курсе чего, если нет никакого обмена информацией? Если его даже через коллег не выцепишь, потому что неизвестно, есть ли таковые вообще или он один как перст. Пустота в пустоте! Он пришел один. И ушел один. А теперь из-за него…

И вот теперь неизбежно последует следующий вопрос. Который последовал.

– Вы собрали информацию по организации, которую он представляет? Что вы можете сказать?

Немного он может сказать, потому что нечего сказать. Организация, наверное, есть. Ну, то есть точно есть, потому что слухи… Но ее нет, по причине того, что нет никакой документации – нет положений, регламентов, смет, нет строк в бюджете и даже в закрытой ее части, нет штатного расписания, списочного состава, адресов штаб-квартир, складов, тренировочных лагерей. Ничего нет! Нет даже жалобных писем об увеличении содержания, выделении квартир и служебных джипов, что всегда есть! Потому что все, даже самое махонькое госучреждение, бесконечно клянчит деньги и льготы. Все, кроме этого! Как отыскать того, кто не оставляет за собой следов?

Мрачнеет «Первый». Как может быть в его стране организация, о которой он, ее Хозяин, не знает, которой он единственный может отдавать приказы, но которая при этом ему не подчиняется!

– А может, и нет ничего? – вбросил мысль Главный Телохранитель.

– Ну да, а отрезанные уши у твоих бойцов – это случайный маньяк? А пятеро твоих головорезов – сами себя побили лопатами, до смерти? И первый борт «сбил» кто-то случайно? Не говори чушь!

– Я не утверждаю… Да, это все сделал он. Но есть ли другие?

– На этот вопрос должен был ответить ты.

Хранитель Главного Тела пожал плечами.

– В официальных источниках я не нашел никаких сведений. Совершенно. Эта организация не проходила ни по одному ведомству. Есть только предположения и слухи.

– Ну, давай хоть слухи!

– Я встречался с охранником вашего предшественника.

– И что, он пошел на контакт?

– Не очень… Но мы надавили.

– Что он сказал? – заинтересовался «Первый».

– Тоже ничего конкретного. Но сообщил, что его Хозяин имел встречу с представителем организации. О чем они говорили, он не в курсе. Но они смогли взять его. После.

– Они смогли! А ты нет. У тебя он из-под самого носа! Из рук! Ну, дальше?!

– Они взяли его и стали допрашивать.

– Что узнали?

– Ничего. Он убил себя. Воткнул в горло авторучку.

– Убил себя ручкой?!

– Да. Ему ее дали, чтобы он написал показания.

– Черт!

– Что еще он рассказал?

– Какие-то сказки. Что вроде бы Службу создал Сталин, чтобы в конце жизни защититься от своего окружения, в первую очередь от Берии…

А что, логично. И даже похоже на правду. От друзей-единомышленников можно ждать чего угодно. В том числе удара кинжалом в спину. Примеров чего в истории, в том числе современной, множество. А когда они сконцентрировали в своих руках все силовые рычаги, то лишняя, «карманная» служба точно не помешает!

Похоже… На Иосифа похоже! Как противовес… Как источник независимой информации… Как силовая структура прямого подчинения, которая может в самый крайний момент защитить, спасти. Правда, не спасла. Хм…

– Что еще?

– Вроде бы организация продолжала работать при последующих Генсеках, контролируя окраины, потому что КГБ не имел право вести разработку Первых Руководителей Национальных окраин…

Ну да, так и было. Интересно… Копать под местных царьков силовики не могли, но из СССР никто не сваливал. И даже сильно своим положением не злоупотреблял – так, шалили по мелочи. Да, есть такая историческая загадка. Гигантская, разноязыкая, разнородная, с разными религиями и укладами, словно из лоскутов сотканная страна, которая по всем канонам и прогнозам должна была расползтись на куски – стояла, причем незыблемо! Да еще полмира под себя пыталась загрести!

Как? Как можно было мониторить состояние дел на местах, узнавать о заговорах, о махинациях, об опасных контактах и настроениях, когда некому этого было делать? Потому что запрещено! Или было кому?

Непонятно. Но интересно.

– Что еще узнал?

– Ничего.

– Копай дальше! Рой! Нюхай! Есть человек – работает, хлопцев твоих лопатой, один против всех – в капусту шинкует. Под меня копал, а ты прохлопал. Один против всех! В регионе, куда послали, вон что наворочал.

– А может?

– Может быть! Но даже если соврал, если преувеличил, даже если в половину – один хрен больше, чем все наши службы вместе взятые! Ищи, узнавай. За ним следи!

– Но как, если он…

– А я скажу как – по эху! По трупам… По убитым террористам. По ликвидированным группировкам. По результату! Который уже есть. И будет. У него – будет! А у тебя, у вас у всех… Иди. Работай! Учись! Хотя бы у него!

* * *

– Вы хотите получить работу?

Еще бы, за такие деньги! Да не здесь, а за кордоном! Да в валюте! С подъемными и премиями…

– Я почитал ваше резюме. Образование… Неплохо. Опыт работы… Вполне. Языки… Прекрасно. Кроме английского – арабский и турецкий. Это говорит о вас положительно. Армия… Вы офицер?

– Да, я писал, я окончил Рязанское училище, но это было давно.

– То есть вы десантник? Приходилось принимать участие в боевых действиях?

– Ну так, немного. Не хочется об этом вспоминать. Я довольно быстро вышел в отставку. По ранению.

– Хорошо, не будем ворошить ваше боевое прошлое… Вот этот пункт – вы, кажется, состояли под судом?

– Ну не то, чтобы… Ну, то есть, конечно, было такое. Но это чистое недоразумение, потому что я…

– Сколько лет вы провели в местах лишения свободы?

– Пять.

– Пять лет за чистое недоразумение?

– Ну не то, чтобы… Просто роковое стечение обстоятельств. Адвокат… Прокурор…

– Вы не беспокойтесь. Меня совершенно не пугают ваши сроки. Как говорится – от сумы и тюрьмы…

– Какая статья?

– Три двойки. Экономическая статья. Торговля.

– Чем?

– Ну там различное спецоборудование.

– Вы можете ничего не скрывать, я всё равно узнаю. Чем торговали?

– Оружием.

– А с кем отбывали?

– В каком смысле?

– В смысле, кто зону держал, когда вы находились в заключении, кто был в авторитете?

– Лёха Иркутский.

– А ваша кличка, простите?

– Калаш.

– Почему Калаш?

– Я АКМ торговал – калашами. На них и спалился.

– Понятно. Больше отсидок не было?

– Нет, больше не было… Здесь.

– А где были?

– Ну, там, по мелочи. На юге. Не у нас.

– Тоже случайно?

– Совершенно. Просто под раздачу попал.

– Языки выучили там?

– Ну да, делать было нечего, русского телевидения и книг не было. И других русских не было, я один. А общаться как-то надо. Пришлось, от скуки. Я так понимаю, что вам не подхожу?

– Почему вы так решили?

– Ну, биография. Отсидки здесь и там. И вообще…

А что биография? Очень приличная биография: офицер, десантник, повоевал, пострелял, немного поторговал патронами и гранатами, был ранен, демобилизовался, на работу устроиться не смог, по налаженным каналам стал толкать вооружение, в том числе в сопредельные страны, попался, сел, вначале у них, потом у нас. В общей сложности оттянул шесть с половиной лет. Да еще по такой статье. В нашей стране тюрьма – лучшая рекомендация. Как у них там Оксфорд.

– Можно узнать о вашем здоровье?

Чуть дернулся.

– Не жалуюсь.

Ну а кто будет жаловаться, устраиваясь на работу? Хотя про здоровье врет – цвет лица с желтизной, глаза… Что-то с печенью. Хочется надеяться, что что-то серьезное. С чем долго не живут. И не надо. Хотя держится бодрячком и вполне еще может «сдавать кровь».

– Ну, хорошо. Я подумаю о вашей кандидатуре, наведу справки и, возможно, свяжусь с вами в самое ближайшее время.

– То есть мы увидимся?

– Нет, мы не увидимся. Я вас – увижу. Как вижу сейчас. А вы меня – вряд ли. Я не Марлон Брандо, чтобы торговать своей физиономией. Или вы обязательно хотите меня увидеть?

– Нет, нет. Мне вполне достаточно вас слышать.

– Ну вот, а я с удовольствием посмотрел на вас. Это, конечно, не живое общение, но довольно информативное. Тем более у вас очень хорошая веб-камера.

– Да, меня предупредили, я купил.

– Очень правильно сделали. Я увидел вас и услышал. И приму решение. Спасибо…

Собеседование было закончено. Экран погас.

Интересный кандидат. Интересней предыдущих. Теперь надо послать, кого-нибудь, лучше из бывших следователей, к Лёхе Иркутскому. Пусть найдут его и перетрут за Калаша – где сидел, как сидел, с кем дружбу водил, в чем был замечен? Зона как микроскоп – через нее всяк как на стеклышке виден. Насквозь! Заодно узнаем, подпишется ли он под него…

Лёху Иркутского нашли. Пригласили. И поговорили.

– Ты чё, начальник, я не при делах.

– Так и я тоже.

– Ушел начальник?

– Ушли. Так что я теперь пенсионер, который про былое за рюмкой вспоминает. Вот с тобой теперь разговоры разговариваю.

– Ну, тогда говори. Зачем нашел?

– Попросили. Люди хорошие. Я не отказал. Ты ведь на Новосибирской зоне чалился?

– Ну?

– Калаша знаешь?

– Слыхал про такого.

– Вы же вместе тянули!

– Ну, допустим. Там много кого было, всех не упомнишь.

– Расскажешь про него, как он там на зоне?

– А чего это я буду рассказывать? Пусть он сам про себя рассказывает. Я, начальник, ничего не помню, я башкой о ступеньку ударился, и всё забыл. У меня справка есть.

– Я же без протокола. И не за так, не за здорово живешь.

– А за сколько?

– Вот за столько.

«Столько» было не мало, было в самый раз.

– Если без протокола и по старой памяти. Ты опер правильный, тебе – не западло. Слушай…

Послушал… Переспросил… Получил ответы… Уточнил… Прикинул… Вроде всё сходится. Не врет Лёха Иркутский. Да и по другим источникам проколов нет.

– Значит, правильный зэк?

– Нормальный.

– Подпишешься под него?

– Чего?!

– Того самого! Дело Калашу идет большое, от людей серьезных. Поручиться за него кто-то должен. Иначе никак.

– Я?

– А что? Ты вон как его расписал.

– Так я же не у дел.

– Ну да! Воров-пенсионеров не бывает. Ты же авторитет, им и в могилу сойдешь. Чего скромничать? Подпишешься под него, каждый месяц «бабки» получать будешь, как с куста… Я нынче не мент, человек сугубо гражданский – «пиджак», так что тебе рисков никаких. Да и не увижу я тебя больше. А деньги хорошие.

– А если он подставу учудит, мне за него ответку держать?

– Не тебе – ему. Сам с него спросишь. За отдельные «бабки». Аванс прямо сейчас. Но против малявы.

– Какой?

– Ему. От тебя. Черкни, мол, так и так, подписался под тебя именем своим и если ты фраернешься по-глупому или скурвишься, то разговор с тобой будет один – перо в бок и в землю, а на дно залечь надумаешь, во все стороны малявы разошлем, сыщем, и смерть твоя тогда люта будет… Добро?

И деньги – на стол. Зеленой пачкой! На чем и столковались. Потому что точно – «бабки» не маленькие, а ответ, если что, – Калашу держать…

– Прочтите.

– Что это?

– Малява вам.

– Мне?

– Читайте, читайте… Прочитали?

– Прочел. Неужто сам Лёха Иркутский?

– Он самый. Серьезный человек под вас подписался. Так что подводить его нельзя. Сами понимаете.

Еще бы не понять! Это посильней договора, который в отделе кадров. Против такого поручительства не дернешься. Ну или на пере повиснешь. Это тебе не увольнение по статье. От такого не отмахнешься.

– Как видите, фирма у нас серьезная, но и платим мы хорошо. Ваше решение?

– Что я должен делать?

– То что делали. Торговать. Тем же самым, чем торговали. Только ассортимент будет побогаче, а поставки побольше. Кроме оклада – процент. Так что, надеюсь, вы будете заинтересованы в оборотах.

– Но если обороты, то… с кем я буду работать?

– Вы будете работать один. Без персонала. Но если вы боитесь не справиться, вы можете нанять себе помощников. Из своего жалования.

– Нет, спасибо, я справлюсь!

– Я так и думал.

– Когда приступать к работе?

– Хоть завтра…

Ну, всё, будем считать на эту позицию человечек нашелся. Теперь ему буфер в виде местного Помощника создать и можно реанимировать торговлю. Под новым брендом с новым «лицом фирмы». Базы снабжения – известны, потребитель тоже.

Товар будет куплен, будет «заряжен» и пойдет по адресам. По карте, во все стороны расползутся стрелки оружейных караванов, высветятся места схронов и террористических лагерей. Потом туда можно будет послать «шпиков», которые срисуют лица террористов, по фото вычислить персоналии, после чего кого-то приговорить, а из кого-то сделать сексотов… Тут все просто – эта технология уже отработана.

Если Калаш попадется – рассказать он ничего не сможет, потому что ничего не знает и даже собственного работодателя в глаза не видел, так как был нанят обезличенно, через Интернет. А сам, добровольно, никого сдавать не станет, так как за его спиной маячит Лёха Иркутский, который шутить не любит. И не умеет… Калаша допросят, ничего не узнают и, конечно, убьют. А если не убьют, то через годик он помрет сам, естественной смертью, обрубив единственную, ведущую к работодателю ниточку.

Так что на этого работника можно смело положиться… И пока о нем забыть.

Чтобы заняться делом. Тем, ради которого!..

* * *

За столом сидел человек. На столе лежал Коран. И пистолет.

Человек был в черном комбинезоне и куфии. Так что его лица видно не было – только глаза.

– Вы готовы?

Человек кивнул. В комнате вспыхнули прожекторы, заливая все ярким светом. Подбежавшая ассистентка что-то поправила, что-то передвинула, еще раз критично оглядела обстановку, махнула рукой. Оператор приник к глазку камеры.

– Начали…

Человек заговорил. У него был очень сильный и хорошо поставленный голос. И очень убедительный текст.

– Я не буду называть своего настоящего имени и называть свой род. Тот, кто хочет обращаться ко мне, может называть меня Галиб. Мой род хорошо известен. Мои предки, мои деды, прадеды и прапрадеды и их деды и прадеды воевали с неверными. Воевали всегда! Наши деды и прадеды были настоящими воинами! – Многозначительная пауза. – Мы, их дети и внуки, погрязли в разговорах. Мы болтаем, вместо того чтобы воевать! Мы угрожаем, когда надо бить! Мы прощаем, когда прощать нельзя! Наши руки стали слабыми, а наши души – вялыми! Мы живем в сытости и благополучии, забывая для чего Аллах послал нас в этот мир. Наши воины имеют деньги, дома и машины, но не имеют мужества умереть, когда к этому призовет их священный долг. Они привыкли жить хорошо, и поэтому им жалко отдавать свою жизнь. Прежде чем победить неверных, мы должны победить свои пороки. Ибо сказано в сорок второй суре Священной Книги: «Если бы Аллах расстелил блага рабам своим, дав им все, чего они хотят, тогда они непременно стали бы творить распутство на Земле. Однако

же Он низводит в определенном количестве то, что пожелает. Поистине, Он касательно рабов Своих обо всем осведомлен и все видит». – Человек встал. – Я объявляю войну иноверцам! Но и войну соплеменникам своим, что погрязли в роскоши и словоблудии, продавшись неверным, ибо отказываются от войны с ними! Мы должны очиститься от скверны и отдать силы свои и жизни священной борьбе! Я не хочу лишних слов. Воин не должен говорить, воин должен воевать и умирать! – Поднял руку. – Теперь и здесь я даю священную клятву жить, как предки мои, не пользуясь благами, изобретенными неверными, ибо это есть дьявольский искус, коим они развращают наши души, размягчают нашу волю и развращают детей наших. Лишь оружие приму я из рук неверных, дабы обратить его против них! Клянусь посвятить жизнь свою войне с неверными, изменниками и колеблющимися, и покуда не погибну или не смогу победить в этой священной войне, я не открою лица, дабы не опозорить слабостью своею честь рода своего, и не раскрою рта, чтобы не солгать, обещая то, что не способен буду исполнить! Пусть умолкнут мои уста, пусть за них будут говорить дела мои! И пусть Аллах будет свидетелем, что я не отступлю от клятвы своей!

Пауза… Тишина…

– Всем спасибо. Запись закончена.

Это была эффектная речь. Потому что хорошо продуманная, рассчитанная на целевую аудиторию, надлежащим образом оформленная и исполненная. И свет… И операторская работа… И режиссура… И сам образ… А голос какой! А глаза!

Тот человек за столом, говорил и вел себя как настоящий герой! Которым он станет. Непременно станет. И очень скоро станет. Потому что, когда в гнезде полным-полно птенцов, победить может только тот, кто будет самым сильным. Кто-то один!

Так почему бы не этот?!

* * *

Студия была маленькой. У черта на рогах. Но коллектив крепкий и по-настоящему творческий.

– Хочу заказать вам фильм.

– Полный метр?

– Нет, от силы сантиметров двадцать. Но заплачу, как за полный. Если вы сможете обеспечить надлежащее качество.

– Что хотите снимать?

– Фильм ужасов… Шучу. Документалку. Игровую.

Хотя как документалка может быть игровой?! Впрочем, у нас все может быть – нынче этот жанр модный. Ну, зачем таскаться куда-нибудь на край света, в горячую точку, рискуя пульку в башку заполучить, когда все можно снять в Подмосковье? Договориться с командирами, подрядить взвод солдат, выкопать окоп полного профиля, соорудить блиндажик, свет поставить, и начать репортаж: крупные планы… общие… отъезд… наезд. Окоп, грязь под ногами, солдаты в бронниках и касках. Съемка с руки, чтобы побольше динамики. Звуки…

– Вон там, видите, левее, окопы противника. Метров семьдесят… Только вы это, осторожнее, здесь постреливают.

Отмашка… Выстрел поверх окопа. Все приседают. Озабоченность на лицах.

– Как вы убедились, находиться здесь небезопасно! – кричит в микрофон репортер. – Кто это?

– Снайпер, – отвечает статист с перемазанной грязью рожей. – Неделю, падлу, вычислить не можем. Вчера, су… Семена положил. Война б… достала всех! В окопах этих нах… два месяца семей не видели. Но мы их су… всё равно уработаем!

И снова выстрелы, уже очередью.

– Всё, сейчас они в атаку пойдут! Уходите отсюда нах… Быстрее. А то пристрелят еще… Гранаты, гранаты тащи, а то не отобьемся, б… «Ромашка», «Ромашка», подкинь ё… огурцов в квадрат… Не удержимся, блин! Уводи, уводи отсюда журналистов! Давай мужики, по местам… Назад ни шагу!

Отличный репортаж. Убедительный. С хорошей «картинкой». Такой в настоящих боевых не снимешь, потому как свет, звуки посторонние, бойцы злые, которым по… это кино. А так…

– Ну что, снимете?

– Не вопрос. Подберем натуру, актеров, массовочку… Оружие, стрельба, взрывы, дымы предполагаются?

– Обязательно!

– Значит, плюс пиротехник и муляжи.

– Танки, пушки, авиация?

– А что – сможете?

– Если за ваши деньги, то – конечно!

– Нет. Может быть, пару бэтээров.

– Вашего человека в кадр вводить будем?

– Обязательно. Но не так, чтобы явно, а на общих планах, мельком, без деталей.

– Сделаем. Ну что, будем составлять смету?

Недешевая это штука – кино. Не всякому по зубам. Но сняли хорошо. Талантливые ребята попались, которым хоть реклама памперсов, хоть война…

– Ну что, давайте отсмотрим вчерне материал?

На экране забегали бородатые боевики, они куда-то стреляли, где-то ползали, что-то взрывали. И все это было снято как будто бытовой камерой, хотя на самом деле профессиональной! Но так убедительно.

– Есть какие-то замечания?

– У меня – нет. Но я переправлю отснятый материал «Заказчику», возможно, он захочет что-то поправить.

«Заказчик», конечно, решил что-то поправить. Много чего.

– Вот здесь лицо лучше слегка смазать… Вот здесь, где рану перевязывают, усилить драматизм… Вот эти кадры совсем убрать… Здесь показать убитых общим планом, чтобы их посчитать можно было… А в целом – хорошо.

– Мы старались.

– Да, хочу спросить – авторских амбиций у вас не случится? Ну там в кинофестивале поучаствовать или в Интернет кадры выложить?

– Мы не можем ничего выложить – вы все забрали. Согласно договору. А в чем, собственно?

– Собственно, в том, что материал этот сфабрикован против одного человека… Ну да-да, сфабрикован! Вами! Говорю – как есть. И если он узнает, кто его снимал, – найдет, всем головы отрежет и в корзину сложит. Такой серьезный человек. Так что вы лучше помалкивате. Потому что такие талантливые, такие светлые головы и вдруг в корзину!

Это была не самая хорошая для киношников новость. Но нашлась и получше.

– «Заказчик» по достоинству оценил вашу работу и творческие находки и выписал группе премию. Очень приличную. Так что если вы не будете болтать лишнего – у вас все очень хорошо!

В Интернете закрутились какие-то непонятные кадры. Идущие по горам люди с оружием, палатки в снегу, костры. Потом засады и стрельба по бегающим фигуркам в камуфляже. Кто-то написал, что узнал в командире боевиков Галиба. Что это точно он. Что воевал в России на Кавказе против неверных и провел несколько удачных операций. И что был в Афганистане, где тоже не сидел сложа руки. Что он настоящий воин и слуга Аллаха!

Галиб на эти замечания никак не реагировал. Впрочем, он ни на что не реагировал, ничего не опровергая и ничем не хвастаясь. Но кто-то привел его слова, которые он произнес в кругу близких друзей, которые единственные могли его видеть и слышать. Он сказал, что «у настоящего воина нет прошлого, у настоящего воина есть только будущее. А то, что было раньше, – было раньше и прошло, и пусть его оценивает Аллах, когда призовет к себе раба своего»… И от того, что Галиб говорил мало и говорил не всем, слова его были услышаны многими.

Но слов было мало, потому что современный мир мыслит «картинками». Которых было мало… И в далекую студию приехал продюссер. Уже известный продюсер к уже знакомым киношникам.

– Ваш фильм понравился и был высоко оценен «Заказчиком». У него появилось желание снять большое кино. Как вы его на вашем языке называете?

– Полный метр.

– Во-во, полный метр. Ну, или там сериалец, серий так на десять – пятнадцать.

Ребятки аж задохнулись от внезапно открывшихся перспектив.

– А про что будет кино?

– Про Афган. «Заказчик» там службу тянул, тогда, ну или позже, я точно не знаю. Но эта тема ему сильно близка. Ну, «фишка» у него такая. Ностальгия. Хочется ему снять крепкий боевичок про свое героическое прошлое, чтобы моджахеды, караваны, «вертушки», пацаны наши в камуфляже, пальба до небес. Чтобы было что посмотреть, вспомнить, под водочку и балычок. И чтобы сюжет в наши дни подтянуть, ну, типа война не кончилась, война продолжается. Ну да вам виднее, как все это закрутить, чтобы зритель к экранам прилип. Потому как,

кроме удовольствия, он желает еще и прибыль получить с телеканалов.

– С каких?

– С первых.

– Тогда нужно будет любовные интрижки в сюжет вплетать.

– Точно. Пусть сын главного героя на погранзаставе в Кыргызстане теперь служит, и тогда сюжетные линии пересекутся по вертикали…

– Ну вот и действуйте.

– А где снимать – в Афганистане?

– Ну это вам виднее. Но, я думаю, можно и поближе – в Туркменистане или Киргизии. Кто там разберет, какой песок или горы ему показывают.

– А когда снимать начинать?

– Завтра. В крайнем случае послезавтра. Через месяц фильм должен быть готов. Ну что, согласны?

Еще бы! Кто из киношников от такого откажется! Даже если головой рисковать! Даже если договор кровью подписывать, а от продюсера будет серой пахнуть! Кино… Полный метр! Для первых каналов! Кто им такое еще предложит? И все стали прикидывать шансы на «Ник», «Орлов» и иностранные золотые статуэтки. Потому что киношники – они такие мечтатели.

– Можно вас на минутку?

Представитель «Заказчика» отвел в сторону режиссера. За локоток.

– Тут будет еще одна маленькая просьба. От Него. Персонально вам. Очень вы ему понравились своим творчеством. Поэтому, когда вы будете делать большое кино, вы там еще одну короткометражку отснимите. Для личного пользования.

Такую, знаете документалочку на фоне афганских пейзажей, чтобы как в жизни, будто это он с автоматом на караван идет. Хочется ему перед приятелями похвастать, героем себя выставить. И чтобы моджахеды как настоящие и наши тоже. Чтобы как вживую!

– А сценарий?

– Сценарий будет. Только лучше, чтобы не вся киногруппа, а пара самых талантливых, например, вы и оператор. А то разговоры, то да се. Слухи пойдут. Дойдет до приятелей, они насмехаться станут. Ни к чему это. Опять же гонорар лучше на двоих делить, чем на группу! Тем более он будет не маленький. А бэтээры, пулеметы, пейзажи и массовка у вас уже будут, так что ничего искать не придется! И пусть все считают, что вы переснимаете эпизоды для фильма.

И в той суете большого кино пропадет, растворится, исчезнет малое. Как в умело поставленной дымовой завесе.

– А если я откажусь?

– Зачем? Если вы откажетесь, то он может осерчать и на сериал денег не дать. Обидчивый очень.

– А если у меня не получится? Если он будет не доволен?

– У вас не получится?! Мне кажется, вы себя недооцениваете. Я вижу в вас большой творческий потенциал. Так что, не исключено, это не последний наш фильм. Если, конечно, вы с «Заказчиком» не подведете. Согласны?

Ну, еще бы!

Фильм через месяц был готов. И прошел по нескольким каналам. И даже прибыль принес. И даже немаленькую! Ребята действительно оказались талантливыми. И у них в кадре взрывались машины и вертолеты тоже, так что любо-дорого было посмотреть. Скорее дорого… И моджахеды бегали как живые, кричали «Аллах акбар», и наши парни стреляли в них из АКМов и подствольников, прикрывая грудью командиров и ложась животами на вражьи гранаты. И любовь была – санитарки к молоденькому лейтенанту. И ревность

к их нечеловеческой любви ее несимпатичной подруги. И еще одного капитана, который хотел отбить у лейтенанта его любимую и подло интриговал, отправляя соперника на самые опасные задания. Отчего тот погиб. Почти совсем. Потому что его невеста в его смерть не поверила, а нашла его и выходила, хотя никто не верил. А ее соперница спасла полковника-вдовца и вышла за него замуж, но не из-за квартиры в Москве, а из-за большой любви и жалости, потому что ему оторвало ноги и еще убило на войне единственного сына. И вообще все было так, как надо, а тот злодейский капитан, запутавшись в растратах, застрелился. И фильм имел большой успех.

А вот документалка – нет. Потому что ее никто не увидел. Хотя она была снята лучше и выглядела как хроника Отечественной войны. И там тоже были моджахеды и солдаты. Но выглядели они серо, блекло и неинтересно. И не кидали красиво гранат, и не кидались врукопашку с разными патриотическими выкриками. И лица их были усталыми и злыми. И сухпай они жрали молча, грязными руками и спали вповалку на земле. Всё было как в жизни, как если в замочную скважину подглядывать. Шел грузовик. Потом взрывался на фугасе, из него выпрыгивали солдаты и тут же падали в пыль и растекающийся бензин, и кто-то стрелял, но бестолково, не видя куда, просто с испуга. И в них стреляли. И их убивали. Всех до одного. А они, скорее всего, – никого. И почему-то на солдатах была не наша форма. А американская. И грузовик был тоже не наш, не «Урал» и не «КамАЗ». И вместо АКМов в руках солдат были чужие винтовки. Потому что так захотел «Заказчик». Такую сюжетную линию… Он так захотел. Киношники так сняли. Наград за этот фильм они не получили. А деньги им заплатили сполна.

И этот фильм, раздерганный на эпизоды, увидели те, кто должен был.
И в комментариях многие утверждали, что узнали одного из «моджахедов», который так удачно воевал с янки. И кто-то утверждал, что сам лично видел его там и не там тоже. Не важно, кто утверждал. Важно, что ему поверили. А правда это была или нет, или кто-то что-то перепутал, уже никого не интересовало. Людям нужна легенда. Люди хотят верить в суперменов. В тех, кто способен побеждать.

Показанный им киногерой – побеждать мог.

Должен был. Сейчас. И впредь!

* * *

Образ был вылеплен. Был одет в черные одежды и куфию и еще в военный камуфляж и набитую «железом» разгрузку. Ему выделили свиту, которая должна была «играть короля» – бородатых, свирепого вида боевиков, обвешанных оружием, фанатично защищавших его от многочисленных врагов. Ему подобрали подходящие аксессуары – пистолет с серебряными накладками в белой кожаной кобуре, родовой кинжал с арабской вязью по рукояти, дорогой старинный Коран, золотой перстень на левой руке, темные очки, скрывающие глаза.

Продумали детали, потому что детали это очень важно. Будучи малозаметными, они тем не менее работают на образ, дополняя и усиливая его. Вот эти армейские металлические пуговицы, полевые, но далеко не новые бутсы, глядя на которые понимаешь, что их владелец протопал не одну сотню километров, потертая, лоснящаяся портупея…

Предложили два десятка индивидуальных, присущих только ему, жестов. Не сложных, чтобы можно было их легко повторить. Но убедительных, подчеркивающих образ. Вот так поправить очки. И прическу. Откинуть назад голову. Сесть, широко расставив ноги. Перебирать пальцами левой руки четки…

Выбрали верную линию поведения – спокойную и уверенную. Даже чуть замедленную, с «ленцой», как у сытого тигра. И особую фишку – полное молчание. Потому что он не говорил, он только слушал, изредка кивая головой. Ну, потому что дал такой обет… И это молчание привлекало к нему больше внимания, чем если бы он болтал без умолку и даже очень хорошо. Молчание – признак силы и уверенности в себе. Молчание – это золото! За него говорили другие, говорили хорошо и витиевато, как любят на Востоке. Говорили помощники, окончившие с отличием медресе и европейские университеты.

– Что еще?

– Может быть, какие-нибудь детали биографии? Ну, там умершая при родах жена или плен? Или детская травма, заставившая…

– Нет, не надо. Не надо усердствовать. Пусть люди сами придумывают ему биографию. Это гораздо действенней. Чем меньше о нем будут знать, тем

больше напридумывают эффектных небылиц. В которые сами же и поверят. Люди такие фантазеры… Надо дать им возможность создать легенду, которая будет работать сама на себя.

Ну что, хорош?

Вполне.

Мужественный, бескомпромиссный, жестокий, неулыбчивый воин. Потому что не может себе позволить улыбку до окончательной победы. Эдакий, без страха и сомнений Восточный Терминатор. Идеальная машина для уничтожения неверных. Наверное, так… Да, пусть будет чуть-чуть Терминатор. Потому Голливуд, он везде проник. И на Восток тоже. С него и надо лепить.

Теперь программа, которую будет озвучивать не он, но которая должна быть.

Бей неверных? Это понятно. Это первооснова.

Бей своих – чтобы чужие боялись? Это интересно. На этом можно сильно сыграть… На этом играли все успешные Диктаторы. Очистить ряды от скверны, уничтожить предателей, которые выедают движение изнутри, как черви. Это хорошо. Когда бьешь своих, тебя уважают даже больше, чем если колотишь чужаков. Особенно если бьешь ближних, особенно если самых близких! Это свидетельствует о том, что ты выше мирских соблазнов, что ты почти бог, не имеющий изъянов. Это – хорошо. Это надо использовать.

Союзничество… Да! Но только на основе единоначалия и подчинения слабых сильному. Это Восток понимает. Только это и понимает! Их столько тысячелетий долбали чем не попадя, куда угодит, что силу они ставят превыше всего. Ну не демократию же!

Пересмотр устоявшихся ценностей. Потрясение основ. Не сильное, чтобы они не дай бог не рухнули, но ощутимое, чтобы прежние кумиры чуть закачались. Потому что должен быть революционный имидж, харизма переустроителя мира, который не хочет жить по-старому. Это привлекает молодежь, которая устала от занудства состарившихся вождей. Перемен, все хотят перемен, которые потом оборачиваются возней у кормушки и застоем. Но это – потом. Пусть он все подвергает сомнению, пусть рушит, пусть будет резок в суждениях, озвучивая

то, о чем другие предпочитают умалчивать. Небольшое потрясение устоев хорошо работает на образ бунтаря.

Отношение к собратьям, религии, женщинам и животным, это все мелочи.

Конечная цель? Ну тут понятно – победа Ислама во всем мире, даже если за это придется сражаться тысячу лет и положить половину населения земного шара. Ну, а дальше всеобщее, для избранных, процветание и благоденствие под зелеными знаменами. Исламский коммунизм. Это доходчиво, это привлекает.

Вот и вся программа. А больше и не надо. Это же не выборы во Франции, где нужно все по полочкам, а потом можно обмануть. Тут надо коротко, емко, в лоб! Чтобы каждый осознал и запомнил. Такая программа.

Теперь – события… А вот с ними – худо. Совсем худо! Одними словами и картинками сыт не будешь. Нужно что-то такое, для затравки, и потом, для развития сюжета и для кульминации.

Тут надо подумать. Хорошенько подумать!

* * *

– Что это за клоун? – спросил Аби-Джамиль-Исрафил.

– Кто?

– Тот «немой». Ну, который молчит. Все молчит и молчит… Откуда он взялся? Зачем?

– Не знаю. Никто не знает.

– А те, кто рядом с ним?

– Они наемники. У него много денег, он покупает людей, но к себе не подпускает. Он не показывает лица даже им.

– Никому?

– Нет, подле него есть несколько ближних помощников, с которыми он общается отдельно, за закрытыми дверями. Но они не наши – пришлые. Мы не имеем к ним никаких подходов. Он дает приказы им, они передают дальше.

– Но они-то его видели?

– Неизвестно. Туда никто не вхож. Наверное, видели.

– Странно… Странно все это. Необычно.

– Да что ты беспокоишься – он никто, он никак не проявил себя. Он только молчит и пугает.

– Как знать, иной маленький червяк может вырасти в большую змею. Которая больно ужалит. Следи за ним и сообщай.

– Что?

– Все, что узнаешь. Не боюсь самого сильного противника, который явный. Опасаюсь непонятных. Которых не понимаю. Сегодня он никто, а завтра? Будущее сокрыто мраком, один Аллах ведает, что там, за горизонтом. Многое бы я дал, чтобы заглянуть туда… Тебе – дам. Если сможешь! Следи! Не нравится мне он. Не пойму чем. Но не нравится. Активно!

* * *

Все пиар-возможности были исчерпаны. Ну, не Голливуд же привлекать с его кинозвездами, чтобы очередной киношедевр сотворить. Так точно, можно и до Оскара доиграться. Только зачем?

Нужны были акции. Серьезные. С трупами. По-настоящему мертвыми людьми.

Конечно, можно было прикупить в каком-нибудь заштатном морге невостребованные тела, переодеть в пиджачки и платья, засунуть в автобус,

вывести на дорогу и рвануть под днищем фугас так, чтобы в куски, чтобы не собрать! И получится роскошный, с человеческими жертвами теракт. И ручки останутся чистеньки, а совесть непотревоженной. Можно было бы и так. Технически не трудно. Но… Но работники морга, обряжавшие трупы, могут кому-нибудь что-нибудь сболтнуть. Равно как грузчики, грузившие трупы в автобус. Кто-то заметит отсутствие на месте взрыва свежей крови, которую, конечно, можно налить в полиэтиленовые пакеты и положить на коленки каждому покойнику. Но на эти разорванные пакетики может кто-нибудь обратит внимание. А есть еще дорога, по которой поедет автобус. И трупы, которые будут сидеть на сиденьях и «смотреть» в окна мертвыми глазами. И их увидят случайные прохожие. И удивляться – чего это мертвецов на экскурсионных автобусах возят? На какие такие экскурсии? А возможная экспертиза покажет, что погибшие умерли не теперь, а на недельку раньше, и укажет на следы «заморозки» и оттаивания. Наверное, можно подкупить экспертов, подтасовать результаты…

Но все это слишком сложно, долго и рискованно. И легко можно проколоться. Чем сложнее механизм, тем менее надежно он работает.

Нет, не пойдет. Конечно, взрывать трупы приятней, чем живых людей, но… Так в жизни не бывает. В жизни все всерьез. И если ты оперативник, внедренный в банду, то тебе непременно придется зарезать пару прохожих, чтобы сойти за своего. А если разведчик, заброшенный в тыл врага, то тебе точно устроят «проверку кровью», притащив какого-нибудь бедолагу и предложив пристрелить его. По-настоящему. И придется стрелять. И резать. Потому что иначе нельзя. Потому что иначе тебе никто не поверит и зарежут или застрелят уже тебя. Такие нравы. А то, что показывают в кино, это так – фантазии на тему… Боязнь измарать светлый образ киногероя, которого играет любимец публики и в особенности дам бальзаковского возраста. Такой не может убивать своих. Только чужих и отвратительных на вид. А в жизни – может. Всяких. Обязан! И, отправляясь туда, он должен быть готов к таким поворотам.
И командование ему должно отпустить грехи и дать на все это безобразие добро, а точнее, пригрозить трибуналом, если он сопли по воротнику размазывать начнет и через свою слабохарактерность операцию провалит. Иди и стреляй! В затылки. Хоть даже бойцов собственной группы. Приятелей своих! Стреляй, ни одной секундочки не помедлив. И никак иначе!

Так что убийство покойников отпадает… Убивать придется живых. Всерьез!

Теперь масштабы. Той самой акции… Малыми жертвами имя себе не наработать. Что у них тут два-три застреленных или обезглавленных покойника – мелочь. Для них жизнь человеческая – пустяк. Они свою-то в грош не ставят, не говоря уж о неверных. То есть трупов должно быть много. Больше, чем у «конкурентов». Тогда тебя заметят, тогда тебя зауважают и допустят в круг избранных. Куда входной билет – человеческие души. Такая прямо пропорциональная зависимость.

Выходит – ради создания легенды полста человек жизни лишать? А не велика цена?

Велика! Но… не цена! Потому что убив пятьдесят человек, спасти можно сотни, если не тысячи. А пожалев – возьмешь на душу больший грех! Такая арифметика. Если это жизнь, а не сериал!

Или, может быть, есть какие-то другие варианты?

Или есть что-то, что создает имидж не числом? Чтобы мертвецов меньше, а результат тот же? Наверное, есть… Не может не быть!

Что? Если не пятьдесят или сто мертвецов?.. Возможно, качество исполнения акции… Потому что ужасает либо количество жертв, либо… Особая жестокость? Ну да… Такая статья даже в Уголовном кодексе прописана – убийство с особой жестокостью. Оно может быть всего лишь одно, а получишь как если бы троих прибил, потому что с особой…

Хм… Интересная мысль… Если убийство будет жестоким, таким, чтобы все вздрогнули, то жертв может быть меньше. Так сказать, количество компенсируется качеством. И повышает убойный рейтинг.

Но это же всех головорезов надо обойти! Чем же их тут можно удивить, когда они кого только и как только не убивают – и головы режут, и животы вскрывают, и на куски рубят! Какую можно придумать особую жестокость, чтобы тебя испугались? А испугавшись – зауважали?! Непонятно. Что теперь, средневековые трактаты штудировать и привозить из европейских музеев взятые напрокат «испанские сапоги»? И «обувать» в них неверных?

Нет, тут должно быть что-то другое. Какая-то «изюминка», если так можно сказать о данном предмете.

Проиграем еще раз – должна быть жестокость… Которая, всех ужаснет… Но не оттолкнет… Потому что переусердствовать здесь тоже нельзя. Излишняя кровь отталкивает. Привлекает внимание, но – отталкивает! И работает против образа героя-освободителя. Если бы Робин Гуд не луком баловался, а кишки богатеньким выпускал и по деревьям развешивал, он бы не стал героем народного фольклора. Ну или романтик Че – расстреливающий всех поголовно пленных с той же самой сигарой во рту? Нет, не тот образ. Совсем не тот. Не был бы Че тем, кем мы его теперь знаем и любим. Конечно, лепить надо террориста, но… без страха и упрека. Так чтобы руки по локоть, а ноги по колено, но в душе справедливый борец. Рыцарь черного образа. Вернее сказать – зеленого. Пожалуй, так.

Но это выходит… Выходит тупик! Кучи трупов нагораживать не хочется, а чрезмерная жестокость, которая их может заменить, работает против образа. Клубок противоречий. Жестокость должна быть особая, но… не отвратительная! А как такое может быть?

Особая, но привлекательная жестокость… Это уже что-то из серии изощренного немецкого садомазохизма, которая здесь, на Востоке, уж точно не проканает. Как говорят те же немцы – аллес.

Как же быть жестоким? Но… всеми любимым? Дурдом…

Погоди… а почему обязательно особая жестокость – это выпущенные внутренности и разрезанные на куски тела? Почему так грубо? Ведь не только кошмарных зрелищ боятся люди, но еще и…

Ну да, нестандартных, непривычных, неожиданных решений. Ведь так! Одно дело – разделанные покойники в морге хоть целой, под потолок, грудой и совсем другое, когда всего лишь один, но свалился на тебя из темноты в подвале, когда свет выключился. А? Ну и что страшнее? Отчего мурашки по коже и глазки из орбит?

Ведь так! То есть, кроме чрезмерной жестокости может быть эффектная ее подача. Жестокости меньше, но кто мог такое ожидать! И пошли, пошли

пересуды и сплетни: «А ты знаешь? Ты слышал? Там такое!» Вот оно! Хочешь, чтобы о тебе узнали все и испугались как один, – сделай то, что до тебя никто не делал! И даже ожидать не мог! И тогда – двух зайцев! Даже если всего одного бедолагу!

Вот тебе и решение – поражать, но не числом и особой жестокостью, а фантазией.

И о тебе заговорят. И тебя оценят!

Что и требуется!

* * *

– А вы можете сделать так, чтобы не сразу, а чуть-чуть позже, но обязательно?

– Чего-чего?

– Я говорю, вот, допустим, я включил, а оно не сразу, а только через несколько секунд.

– Что через несколько секунд?

– Сработало.

– Что?

– Ну то, что включил.

– Зачем вам это?

– Сейчас объясню. С сыном младшим я на машинках соревнуюсь с радиоуправлением. Такие теперь игрушечные машинки делают, что «Жигули» отдыхают! И все на пультах. Так он, шельмец, всегда меня побеждает. Пока я свою жму, его – уже едет. И я опаздываю.

– Ну и пусть побеждает.

– Что вы такое говорите! Мы же на призы играем – на полкило шоколадных конфет!

– Ну и что?

– Так он выигрывает и жрет их. У него же сахарный диабет будет. И ожирение.

– А я-то вам чем могу помочь – я не врач! Я инженер-электронщик.

– Так мне врач и не нужен. Мне приспособу надо сделать, чтобы он включал, а машинка не сразу. А я включил – и тут же! И получается, что мы одновременно. Чтобы честно. Понятно?

– Теперь – понятно. Вам замедлитель сигнала нужен.

– Ну вот – замедлитель. Сыночка. Чтобы он нажал – раз, два, три и только потом моторчик завелся. А у меня сразу! Сделаете?

– Да без проблем.

– Только он хорошо работать должен. Издалека. Машинки у нас большие и трасса длинная. Я два гектара леса под нее вырубил. Так что постарайтесь.

– Не беспокойтесь – сделаю. Там схема-то пустяковая…

Вот и славно. Вот пусть и сделает! Чтобы не сразу. Чтобы раз-два-три и только потом…

* * *

Дорога была пустынная. Потому что где-то там случилось небольшое дорожно-транспортное происшествие – какой-то грузовик неудачно развернулся поперек дороги и заглох. Отчего движение встало. Водитель выскочил из кабины, поднял капот и чего-то там начал дергать, крутить и тихо ругаться.

– Сейчас, сейчас поеду.

Ему, конечно, сигналили, но машин в это позднее время было не много, и водители были настроены довольно миролюбиво. Что интересно, с другой стороны, на той же дороге, тоже что-то случилось – ну такое вот совпадение. Две какие-то машины ткнулись друг в друга, не так уж и сильно, и водители бурно выясняли отношения, кто чего там первый нарушил. И там, конечно, тоже случился небольшой затор.

А посредине… Между двумя этими пробками… Там тоже встала машина, и какие-то люди выволокли что-то из багажника. Какие-то ящики. Наверное, очень тяжелые, потому что, согнувшись в три погибели, потащили их к обочине, а потом вниз. Там, внизу, была труба, проходящая под дорогой. Через которую должна была переливаться вода. Туда-сюда. Труба была широкая, пожалуй, сантиметров восемьдесят – девяносто. Люди встали на четвереньки и толкнули ящики туда. И еще толкнули. И с другой стороны толкнули. И занесли в трубу какие-то мешки. С песком. Заткнув два слива. Наверное, чтобы вода не перетекала. А потом куда-то позвонили. И сказали что-то про тётю – мол, всё в порядке, она выздоровела и можно не приезжать.

И там, где заглох грузовик, он вдруг, завелся. Радостный водитель запрыгнул в кабину, извинительно махнув рукой. И стояли-то всего-ничего – минуты четыре. Стоило так нервничать! И те, другие водители, по другую сторону, как следует рассмотрев вмятины на бамперах и поцарапав их ноготками, решили разойтись по-хорошему, решив, что виноваты оба. Ударили по рукам и разъехались в разные стороны.

И все пришло в движение. И никто ничего не заметил. Потому что не должен был.

А через два дня…

* * *

По трассе шел автобус. Обыкновенный, междугородний. Но набитый битком. В автобусе сидели люди, разные – молодые, старые и даже дети и даже один совсем маленький, грудной, на руках у матери. Автобус ехал с разрешенной

скоростью, ничего не нарушая. Как и должен ехать пассажирский автобус. Люди скучали, глядели в окно, кто-то дремал, кто-то тыкал пальцем в экран телефона, кто-то тихо разговаривал с соседом. Все было, как обычно.

Ехал автобус. И доехал…

– Вижу! – сказал сигнальщик, засевший, где-то там, за поворотом. – Ждите через три минуты.

– Понял… Три. – И тихо в сторону – Всем приготовиться.

А все и так были готовы. Хотя кто – видно не было. Только на земле шевелились какие-то «кочки».

Минута. Две… На дороге показался автобус.

– Вижу.

И все увидели. И «кочки» задвигались. И из одной вылезла рука, в которой был зажат пульт. Небольшой, не как у телевизора.

Автобус приближался. Двести метров… Сто… Пятьдесят… Вот он приблизился, вот встал почти над трубой. Той самой, заткнутой с двух сторон мешками с песком… Пассажиры сидели на своих местах. Говорили, играли на телефонах в игрушки… А грудничок крепко спал прижавшись головкой к груди матери.

– Давай, – сказал командир. – Аллах акбар!

И та рука сжала пульт. Вернее, нажала на кнопку. Которая должна была послать сигнал. Кнопка утопилась в корпус, замкнув два контакта. И все сработало как надо. Радиосигнал прошел. И был принят. Приемником, который был там, в трубе, в одном из ящиков и был воткнут в толовую шашку. Сигнал прошел, но что-то там не сработало. Вернее, сработало, но не так. Не быстро, не мгновенно. Что-то там в механизме заело.

На одну секунду. На вторую… И лишь на третью искра прошла… Три!

И взрыватель, как и должен был, – взорвался. И толовая шашка, в которую он был воткнут, тоже взорвалась. И два ящика взрывчатки разом сдетонировали. И все эти килограммы тола и пластида бабахнули так, что мама дорогая! И даже сильнее, чем могли бы, потому что взрывная волна не смогла выскочить из трубы в стороны, так как ее концы были заткнуты пробками из песка. Конечно, мешки вышибло, но не сразу, а спустя доли секунды, и большая часть энергии взрыва ушла вверх и в стороны.

Земля дрогнула. Асфальт вздыбился, поднялся и лопнул как мыльный пузырь, разбрасывая во все стороны куски бетона и гравий. Это был страшный по силе взрыв. Десятикилограммовые каменные «осколки» поднялись вверх на несколько сот метров и рухнули вниз. На месте образовалась трехметровая, во всю ширину дороги воронка. Но… автобус под взрыв не угодил. Успел проскочить эпицентр взрыва. И даже отъехал метров на семьдесят. Его, конечно, догнала взрывная волна, толкнула, приподняла, оторвала от дороги и крутнув, швырнула на бок.

Бах!

Посыпались разбитые стекла, заскрежетал металл, страшно закричали, заголосили люди, застучали по корпусу падающие с неба камни. И кого-то сильно побило. А кого-то даже серьезно ранило. Но главное, все остались живы. Такое везение! И пассажиры стали выбираться из покореженного автобуса, опасаясь пожара, и стали помогать друг другу и выволакивать из салона раненых. И никто не заметил движение «кочек». Которые, отползали от дороги. Все дальше и дальше…

* * *

А потом был разбор полетов. Как всегда бывает. После…

В комнате с бетонными стенами, без окон сидели люди. Много людей. В полевой форме. При оружии. Они что-то ждали. Молча. Дождались.

Открылась дверь, и вошли люди. Трое обвешанных оружием, со зверскими лицами и хищными глазами телохранителей. Та самая «свита». Встали у стен, уставив перед собой автоматы и держа пальцы на спусковых скобах, чтобы

в любую секунду открыть огонь. Хотя кругом были одни только друзья. Только – «братья».

Потом вошел еще один человек. Всем хорошо знакомый. И уже не только здесь. Вошел Галиб. В черной форме, портупее, с платком поперек лица. Он вошел и осмотрелся по сторонам. И по лицам. И те, на кого он смотрел, – отводили глаза. Хотя были не пай-мальчиками.

Откуда-то принесли и услужливо поставили стул. Галиб сел на него не глядя. Потому что был уверен, что не промахнется, что его поставят как и куда надо. Такой штришок. Он сел широко расставив ноги… Как всегда. И стал перебирать четки… Как часто делал. А правую руку положил на рукоять кинжала… Всем хорошо известного.

Подошли его ближние Помощники. Приблизились. Встали по бокам. Галиб кивнул.

Он не разговаривал и даже здесь, среди своих единомышленников. Он молчал, потому что поклялся именем Аллаха не открывать рта до окончательной победы. Он только слушал. Решал. И карал.

– Как всё было? – спросил один из его Помощников.

Вперед выступил командир группы.

– Мы сделали всё как надо. Нам сообщили готовность три минуты… И потом, когда показался автобус, мы все делали как положено.

А что он еще мог сказать? Они действительно все сделали как надо, просто там что-то заело, что-то в механизме. На раз-два-три…

Галиб посмотрел на Помощника. Медленно кивнул.

– Кто смотрел за автобусом? – спросил тот.

– Я, – ответил человек, который отвечал за подходы.

– Кто отдал команду на взрыв?

– Я отдал, но я отдал ее…

– Помолчи!

– Кто нажал на кнопку?

– Я нажал.

Говоривший посмотрел на Галиба. Тот молчал. И это молчание напрягало. Всех. Потому что он должен был принять какое-то решение. Вряд ли милосердное.

Галиб взял лист бумаги. Что-то написал на нем. Передал Помощнику. Тот прочел. И кажется, немного побледнел.

Галиб вопросительно взглянул на него. Помощник подобрался. Взял себя в руки. Сказал:

– Вы провалили операцию. Вы оставили в живых неверных, хотя должны были убить их. Всех.

– Но мы…

Галиб ткнул пальцем в говорившего. В командира. И тот замолк.

– Вы плохие воины. И вы должны понести наказание. Все согласны? Кто не согласен?

Все молчали. Потому что это было справедливо. Потому что они не выполнили приказ Галиба, чьими устами говорил, может быть, сам Аллах!

– Вы достойны самого жестокого наказания. Ты… Ты должен был следить за автобусом. В оба глаза. Но ты не уследил. Теперь у тебя останется один глаз. Правый, чтобы ты мог стрелять в наших врагов. Вы вырежете ему глаз.

Тихий ропот прошел по толпе. Галиб предостерегающе поднял руку. Телохранители воткнули пальцы в спусковые скобы.

– Вы считаете, Галиб не прав? Кто считает, что он не прав? Он мог убить его, но он сохранил ему жизнь, лишив лишь глаза.

Да, верно, мог убить и, наверное, имел на это право, но оставил его в живых.

– Ты должен был дать команду?

– Я дал ее.

– Ты дал ее не вовремя. Тебя подвел твой язык. Который уже никогда не подведет тебя. Тебе отрежут язык. Ты будешь жив, ты сможешь воевать, но ты будешь нем!

И снова все загалдели. Но уже тише.

– Ты должен был взорвать автобус. Но ты опоздал. Тебя подвели твои руки. Они ответят за твой позор. Тебе отрубят руку. Левую. И ты сможешь продолжать стрелять, сможешь держать оружие правой.

И это было справедливо, ибо за позор он ответил не головой, а лишь рукой. Которая подвела его.

– Командир!

Командир встал по стойке смирно.

– Ты отвечал за операцию?

Кивнул согласно.

– И за своих воинов?

Опять кивнул.

– Ты должен был добыть славу для них и для себя. Для себя больше, чем для них, потому что ты выше их по положению, и эта победа была бы, в первую очередь твоей победой. Но вы добыли позор. И больше всех за него должен ответить ты. Ты умрешь, как умрет всякий, кто не выполнит приказ. Мы не можем разбираться долго почему он не был выполнен, потому что должны воевать! Приказ не был выполнен, и кто-то должен за это ответить. Так должно быть – и так будет! Если мы размягчим наши сердца, мы проиграем нашу войну, и сюда придут неверные, которые заберут наши земли, навяжут нам свою волю и развратят наших детей. Мы не можем быть мягкими. Пусть Аллах нашими руками карает всякого, кто предаст или оступится. Если оступится, если ошибется Галиб – мы покараем его. Так сказал Галиб!

Шепот прошел по толпе… Галиб поднял палец. Всё смолкло.

– Пусть командира казнят те, с кем он был там. Казнят его воины, которые пострадали из-за него. Это будет справедливо.

Лица все более мрачнели. И это плохо. Нельзя жить на одном негативе. Должен быть и какой-то позитив.

Галиб встал. И указал на командира. Помощник «перевел»:

– Он умрет, ибо смерть его угодна Аллаху! Но он умрет не теперь, ибо это наш «брат»!

Галиб кивнул.

– Пусть он попрощается с семьей и друзьями, пусть уладит свои дела на земле, пусть замолит свои грехи перед Аллахом, пред которым скоро предстанет. Пусть последние часы своей жизни он проведет в счастье и любви.

Все одобрительно закивали. Да, это правильно, это верно.

– Вы казните его через три дня. На рассвете. Чтобы он увидел свет нового дня. Все вы будете рядом с ним и будете подбадривать его, чтобы смерть его была легка! Казначей выдаст его семье деньги, как если бы он погиб в бою с неверными. И будет выплачивать им деньги каждый месяц, как всем погибшим

во славу Аллаха. Мы не должны бросать в беде семьи своих погибших «братьев».

Все опять закивали. Лица просветлели. Он справедлив Галиб! Он все правильно говорит!

– Мы должны быть справедливыми – он был хороший воин. Но он промахнулся. И должен за это ответить. Иначе нельзя. Мы воины Аллаха и должны служить ему не щадя жизней своих! А если мы станем прощать, мы перестанем побеждать, перестанем быть воинами!

И опять все согласились. И даже приговоренный командир закивал. Потому что, наверное, так и должно быть, иначе неверных не победить!

– Пусть будет так, как решил Галиб. Если кто-то хочет решить по-другому, пусть выйдет вперед и скажет.

Никто не вышел и не сказал. Потому что всё правильно, всё так и должно быть. И все посмотрели на Галиба. Теперь уже почти восторженно. И Галиб встал, подошел к обреченному командиру, приблизил его к себе и обнял его. Как равного себе! И все взревели от восторга. И даже мрачные телохранители заулыбались.

– Галиб сказал, что придет к твоей семье. И придет на твои похороны. Он будет с тобой до самого конца, ибо любит тебя! Как любит всякого, кто пришел под его знамена! Но Галиб служит Аллаху и не может позволить себе жалости ни к неверным, ни к «братьям» своим, ни к себе самому. Только так можно победить! Аллах акбар!

И все закричали от восторга и ярости.

Хотя кто-то должен был лишиться глаза. Кто-то языка. Кто-то руки. А кто-то жизни. Такая вот жестокость. Особая, о которой заговорят. Все! На всех базарах, площадях и улицах. В каждом доме! И даже на женских их половинах. Потому что, если хочешь, чтобы тебя боялись чужие, – бей своих! Но не просто бей, а с фантазией. Особо изощренной!

Бей – и тебя полюбят, потому что все любят силу. И прибиваются к силе.

И любят справедливость. Если бьют за дело. А здесь все сошлось!

Слава Галибу! Всесильному. И справедливому!

Уф…

* * *

– А вы слышали… Галиб… Глаз… И руку…

И почему то эти глаз, рука и язык впечатлили людей больше, чем казнь командира. Наверное, потому что «оптом» убивают здесь каждый день, а так чтобы частями нарезать…

– Галиб воин.

– Это да.

– Говорят, он на похороны пришел, и деньги семье дал, и дом обещал достроить.

– Да-да. Он сделает. Галиб – человек слова!

– И еще сказал сыновьям, что он теперь заменит им отца, а когда они подрастут, возьмет их к себе.

– Галиб справедливый. Он правильно все сделал.

– Теперь к нему пришло много новых бойцов. Но он берет не всех.

Разговоры… Разговоры… Разговоры…

Восток – это всегда разговоры. Из уст в уста, полушепотом, с намеками. Издревле, когда за лишнее слово на кол могли посадить. Впрочем, и теперь могут.

Галиб. Галиб. Галиб…

* * *

– Кто такой этот Галиб, о котором все только и говорят?

– Точно неизвестно. Какой-то новый командир, который сбил вокруг себя небольшое формирование. Лицо никому не показывает, ни с кем не говорит.

– Он что – немой или прокаженный, что молчит и в тряпки заворачивается?

– Да вроде нет.

– А почему тогда он так себя ведет? Странно!

– Клятву дал, что до победы над неверными будет молчать и закрывать лицо.

– Он что теперь всю жизнь рот не откроет?

– Получается так.

– И что мне докладывать в Центр – про молчанки какого-то местного полоумного, который вдруг, не понятно с чего, стал популярным среди местного населения. Что он реально сделал?

– Взорвал пассажирский автобус. Не очень удачно. Там были раненые и ни одного убитого.

– Отчего тогда такой шум?

– Он наказал исполнителей. Порубал им руки, повыкалывал глаза.

– Дикость какая! Зачем?!

– Наказал за неудачу.

– И его не прикончили?

– Нет, наоборот. К нему пришли новые бойцы. И вообще он стал очень известен.

– Как они тут могут жить, в этом Средневековье? Не понимаю. Вы бы стали работать в нашем благословенном учреждении, если бы нам чего-нибудь за плохую работу отрезали?

– Тогда бы у нас все без рук и глаз ходили. Сплошные обрубки.

– Да, это верно. В голове не укладывается. А здесь никто ни к адвокату не идет, ни в суд не подает, ни в Конгресс не пишет. Сами руки под топор подставляют. Дикость… С кем приходится работать! А что наш друг Аби-Джамиль-Исрафил?

– Говорит, что это не воин, что это какой-то случайный выскочка.

– Ну да, выскочил… И очень удачно! Что вообще о нем известно?

– Практически ничего. Мы пытались наводить справки по всем каналам – вроде бы он из известного рода, но какого, сказать нельзя, кажется, участвовал в войне на Кавказе и в Афганистане, в том числе командуя небольшим отрядом. Но конкретики никакой.

– Так не бывает! Не для того мы здесь поставлены, чтобы говорить в целом. Если я напишу шефу то, что вы мне тут наговорили, он уволит нас к чертовой матери, без выходного пособия и выслуг! Какой-то фильм ужасов с молчунами и отрезанными ушами…

– Языками.

– Ну, пусть языками – всё едино! Есть новая на политическом поле фигура, и хоть бы кто о ней что-нибудь сказал!

– Он пока не имеет достаточного веса.

– Их Сталин вначале тоже не имел достаточного веса, а потом в такую мировую проблему вырос. И Гитлер, кстати, тоже. Учите историю, Майкл, там много поучительного. Если кто-то столь стремительно набирает очки, значит, он не должен выпадать из нашего поля зрения. Нужно узнать о нем все, поработать с окружением, нащупать слабости и по возможности привлечь на свою сторону. Потому что, если мы не приберем его к рукам, это сделает кто-то другой. Идите и думайте. И работайте. Жду ваши соображения не позднее завтрашнего вечера… И вот что, обозначьте его в сводках каким-нибудь псевдонимом. Например, пусть будет Крюгер… По повадкам. Потому что глаза и руки…

Крюгер!

* * *

– Эх, кабы нам такого руководителя.

– Тогда бы он нас первых на куски нашинковал.

– Да и ладно. Зато страна бы крепла. Как тогда. Чтобы от полюса до полюса все в штанишки мочились от одного только упоминания! С нашим народом иначе нельзя, мы только мат понимаем и кнут поперек спины.

– Нашей с тобой?

– А хоть бы и нашей! Задница заживет, зато держава окрепнет! Потому как за нее обидно! Иосиф не стеснялся – рвы мертвяками набивал, зато мы войну выиграли, бомбу изладили, в космос полетели. А Горбач, добряк, ежа ему в печень, ни одного приказа жесткого отдать не мог, все мямлил и сопли перед микрофоном пережевывал. А если что случись – от своих же слов отказывался, пацанов сдавая. И где та страна?

– Это верно.

– Нет, лучше ежовые рукавицы, чем всеобщая слякоть. Я бы первый ко рву!

– С какой стороны?

– С любой. Если надо, меня ради дела в распыл – согласен. Лишь бы толк был! Для всех. Лес рубят… Хрен с ним, готов быть щепкой, если настоящий лесоповал идет, без дураков! А если я – то рука не дрогнет. Любого! Как этот их Галиб!

– Суров ты…

– Обрыдло все. Сидим тут хрен знает за каким… Бумажки пишем… Вот ты что наверх по Галибу накропал?

– Как обычно, что была проведена большая работа, розданы задания, задействована агентурная сеть, привлечены новые осведомители согласно прилагаемой смете… Короче, что трудились мы с тобой в поте лица, не покладая вот этих самых ручонок.

– И что в итоге?

– Десятистраничный труд на тему… Надергал кое-что из Интернета, от себя приписал. Он, кстати, знаешь, где отметился? На Кавказе. Во второй войне. Ну все там на наших пацанах поупражнялись, кому только не лень. Ну я параллели провел, информацию запросил по нашей линии и у коллег, может, у них что на него есть. Человечка из ближнего окружения завербовал.

– Что, серьезно?

– Ты что, вчера с дерева слез? Как бы я к нему так быстро подобрался? Состряпал «контракт», налил водички, отметил нашу с тобой инициативу и усердие.

– А дальше что? Кто дальше агента поведет?

– А никто. Погибнет он в ближайшем же бою. Не станет агента. И вся немаленькая наша работа по его вербовке пропадет. И денежки тоже.

– Тогда еще по одной. За агента, который позволяет нам вот здесь, в приятной обстановке, под хороший коньячок…

– Это да. В такой дыре, если еще и без коньячка… Те, кто пошустрее, да к начальству ближе, звезду за звездой с небосклона снимают. А мы… Проклятые места – ни званий, ни должностей здесь не добудешь. Только если орденок. И то посмертно. А на хрена он, даже если не посмертно? Лучше бы деньгами или квартирой. Только они все не здесь – там. В Арбатском округе… Ладно, наливай. За удачно проведенную операцию. За Галиба, благодаря которому хоть какие-то радости. Давай… за нашу далекую и любимую родину! Прозит!

* * *

Теперь главное… Что? Нет, не стрельба по террористам с двух рук из несущегося автомобиля. Кабы так… «Всего лишь» – сводки, отчеты, ведомости, накладные. Которые, в нарукавниках. Потому что это и есть основная униформа профессионального разведчика. Не разгрузка, не подмышечная кобура со «Смит-энд-Вессон», не ботинки с вылезающими отравленными шипами – черные матерчатые тубусы с резинками, надеваемые на локотки. И еще мягкую подушечку под седалище.

Так, что у нас на сегодня?..

Торговая сводка. Что, где, почем куплено, куда доставлено, где складировано. Это – вторично. Первично, что куплено. По позициям. Которых – сотни.

Так, понятно. Это не интересно… Это чисто армейский заказ, его вообще можно вычеркнуть… Это… Это…

Одиннадцать заказов, если судить по ассортименту, перспективны – дистанционные взрыватели, пластид, глушители, ПЗРК, бикфордовы шнуры… Обычный неджентльменский набор. Один – крайне интересен, потому что в нем присутствует ОВ. Эти партии нужно «зарядить» и проследить путь их движения.

Теперь по предыдущим поставкам. Там маячки вывели на террористические схроны и базы. Надо установить за ними слежку, послав туда бригады шпиков. С этими наметилась проблема. Часть их отследили, выловили и уничтожили, другие получили деньги и убыли в неизвестном направлении, отказавшись от дальнейшего сотрудничества, кто-то расслабился и стал работать небрежно и их надо, пока не поздно, убирать.

Все более ощущается нехватка кадров. Причем квалифицированных. Нужно объявлять новый рекрутский набор, собирая с миру по нитке оставшихся не у дел профессионалов. И каждому придумать «легенду» прикрытия, так как ребята они ушлые и могут увидеть больше, чем им показывают. Ну да здесь заделы есть.

Вопрос по раскрытой слежке. Тех, пойманных на месте шпиков, конечно, уничтожили, но что они успели перед смертью рассказать? Вернее так – рассказали всё, что знали. А что они знали?

По сути – ничего. Кто-то, кого они впервые видели, наняли их отследить один конкретный адрес, для каких целей, они не ведают, потому что им о том ничего не говорили. Их задача была отфотографировать всех входящих-выходящих, посредством длиннофокусной оптики. Что они и сделали.

Кому передали материал?

Сбросили по Интернету или оставили в условленном месте, а кто-то после снял «посылку».

Всё?

Всё! Дальше ниточка не потянется. Здесь все более-менее благополучно. По крайней мере до момента, пока кто-нибудь не догадается связать все эти разрозненные эпизоды в нечто цельное. Но только кому это надо? Боевики друг другу на жизнь не жалуются и информацией не обмениваются. Потому как конкуренты… Нанятые втемную исполнители трудятся, каждый на своем участке, при этом деятельность их координируют посредники, которые не знают друг о друге, о заказчике и сути выполняемой ими работы. Знают лишь, что каждый месяц им капают неплохие деньги. Путь которых отследить невозможно. Тут все более-менее. Эта схема отработанная.

Далее – сексоты… Что они там сообщают? О планируемых терактах. Надо сказать не много и не все. Эту информацию они сливать опасаются. Надо будет на них надавить.

Иерархия внутри группировок, персоналии, отношения, конфликты и прочие сплетни. Что очень важно, так как, зацепившись за небольшой личный конфликт

и раздув его, можно свести на нет боеспособность целой боевой организации. А в идеале – стравить всех со всеми, спровоцировав небольшую междоусобную войну, слава богу, оружия у них предостаточно, и оно всегда под рукой. Вот и пусть они палят друг в дружку, ослабляя тем международную напряженность.

Мелкие провокации для стимулирования «кровной мести» и прочих разборок. Кому что шепнуть, какую информацию вбросить, какие новые каналы слива наработать…

Стравливание террористических групп. По-крупному. Это самое перспективное, но и самое сложное направление. Но можно действовать через сексотов которые нашепчут, направят, разогреют, подбросят сфабрикованный компромат, раздуют интригу, подкорректируют развитие конфликта, предпочтительнее вооруженного. Этим надо будет заняться отдельно, не с кондачка…

Следующий пункт – вновь завербованные агенты… Кто, откуда, под кем ходит, какие «должности» занимает, чем может быть полезен? Посмотрим. Этот – интересен… Этот – не очень… Этот вообще бесполезен… А вот этого взять на заметку. Этого надо трясти активней…

Финансы… Поют романсы. Убыточное это дело – торговля оружием, когда покупаешь дорого, а продаешь дешево. Чтобы охотней покупали. Хотя в последнее время разрыв уменьшился за счет наработки новых каналов поставки и повышения цен на отдельные позиции. А по армейскому вооружению образовалась даже прибыль, потому что там демпинговать ни к чему. Но всё равно… Потому что торговля не единственная статья убытков. Есть еще оплата услуг сексотов, содержание боевиков и охраны Галиба, пенсии и единовременные выплаты семьям погибших террористов, гонорары вербовщиков и оклады и премии шпиков и киллеров, которые вычищают наиболее опасных террористов. И много чего еще другого. Пока еще деньги есть, но скоро их станет ощутимо не хватать. Взять этот пункт на контроль!

Что еще?

Сброс, систематизация, шифрование, отсыл, хранение вновь поступившей информации, которая все прибывает и прибывает. И хотя первичную ее обработку делают посредники, всего им поручить нельзя. Всё не должен знать никто! И даже половину. И даже четверть! Каждый – лишь свой маленький,

порученный ему участок. Так чтобы мозаику мог сложить во что-то цельное лишь один-единственный человек. И умение разбивать целое на куски, а потом из частностей опять собирать единую картинку, сшивая ее по лоскутам, – еще то искусство.

Что еще? Разные прочие мелочи, которые как из рога изобилия.

И никаких тебе перестрелок и погонь. Проще было бы от толпы преследователей отбиться или даже погибнуть, но всего лишь раз, чем каждый божий день как проклятому! Такая работа! Не как у Джеймса Бонда – чтобы стрелять с двух рук и крушить врагам челюсти, а в перерывах таскаться по ресторанам и тискать роковых красавиц. Скорее как у бухгалтера крупной корпорации в конце отчетного года, который по самые уши в бумагах, папках и екселевских таблицах. Чтобы читать, считать, сличать, сводить, выявлять ошибки и снова пересчитывать. Как сказал один из преподавателей Учебки:

– Что должен иметь настоящий разведчик, чтобы победить всех врагов?.. Нет, не бицепсы… И не трицепсы… И не меткий глаз… И не железную волю…
А железную – ж…у. Потому что на обыкновенной ему результат не высидеть…

Прав был он. Сто раз прав!

Всё? Кажется, да. На сегодня. А завтра всё сначала.

Заказы, закупы, цены, таблицы, сводки, проводки, позиции…

Персоналии, имена, родственные отношения…

Такая служба…

* * *

– Галиб, к тебе человек.

– Кто?

– Надир из рода Сардара. Это очень древний и уважаемый род. А Надир сильный воин.

– Что он хочет?

– Не знаю. Но он хочет говорить с тобой.

– Хорошо, приведи его.

Когда Надир вошел, Галиб сидел в своем любимом кресле, со своим, с которым он не расставался, кинжалом и перебирал левой рукой четки. Позади него стояли молчаливые и свирепые телохранители.

Надир вошел. Остановился. Галиб указал ему на стул. Надир сел.

– Что ты хочешь сказать Галибу?

– Я хочу просить Галиба принять к себе меня и моих людей. Мы хотим встать под его знамена, потому что Галиб – настоящий воин и слуга Аллаха.

– Что ты можешь предложить Галибу?

– Себя. И пятьдесят проверенных бойцов, которые придут вместе со мной, чтобы служить Галибу. Мы придем не с пустыми руками, у нас есть оружие, есть все необходимое для войны с неверными. Мы не станем обузою.

– Ты знаешь законы Галиба?

– Я знаю законы Галиба.

Надир усмехнулся и, задрав рукав, чиркнул себя пальцем поперек руки.

– Но лучше потерять руку, чем честь. Лучше лишиться глаза, чем видеть в своем доме неверных. Лучше остаться без головы, чем без Родины. Нас не пугают его законы, ибо они угодны Аллаху!

Галиб благосклонно склонил голову. Хорошо говорит Надир. И хорошо воюет.

Помощник взглянул на Галиба. Тот приподнял руку.

– Галиб согласен принять тебя и твоих людей. Ему нужны смелые воины! Он рад и надеется, что не ошибся в своем выборе, что вместе вы сможете победить всех врагов.

– Ты не пожалеешь, Галиб! Мы будем верно служить тебе в войне против неверных. Прими в знак благодарности этот, от чистого сердца, подарок.

И встав и склонив голову, Надир преподнес старинный, в золотых ножнах, кинжал.

И Галиб тоже встал. Подошел, протянул руки и обнял Надира. Ну, вот она и первая «ласточка». Дай бог, не последняя.

* * *

Бойцы стояли на плацу строем, хотя единой униформы у них не было.

И стояли не поротно и не повзводно – стояли по родам. Где-то стояло много бойцов, где-то всего несколько. Такое вот армейско-родовое построение. Но ломать его было сложно. На Востоке свои прибиваются к своим. И воюют со своими. И хорошо воюют, потому что струсить на глазах родичей, значит, покрыть себя несмываемым позором, и собственные мать и отец проклянут тебя и не пустят на порог дома. И это их сильная сторона.

А слабая… То, что родовое построение воинских формирований ведет к разобщенности подразделений, к неразберихе и постоянным разборкам, кто и что должен делать, а чего – фиг вам! По отдельности они, может быть, и сильнее многих, а вот все вместе… Армия – это в первую очередь всеобщая дисциплина, а не личное мужество каждого.

Что и надо использовать.

– Смирно!

Строй подтянулся. Кто как мог. Командиры, впечатывая шаг в песок, подошли к человеку в черных одеждах, в куфии, перетянутой вкруг головы золотым шнуром. Подошли. Замерли в шаге.

– Братья! – сказал человек. – Галиб принял вас к себе, оказав тем большую честь. Галиб – великий воин, которого боятся враги. Вы хорошие бойцы, но Галибу нужны самые смелые и самые сильные из вас. Тот, кто выдержит испытание, встанет под его знамена. Наша победа угодна Аллаху, и, значит, мы победим!

Ну, дальше, как водится – кто-то налево на стрельбище… Кто-то направо на полосу препятствий… Кто-то в казарму изучать под руководством командиров Коран… Кто-то на хозработы…

Армия она везде плюс-минус. Вот только сами занятия…

Стрельбище… Обычное. С мишенями. С командирами. Но только подле мишеней встали люди. Живые. Из чужих родов.

– Вы должны попадать в цель. Из положения лежа, сидя, с колена, в рост. Вы должны стрелять очень метко, потому что, если промахнетесь…

Командир посмотрел на мишени, возле которых маячили фигуры.

– Если вы промахнетесь, то потом, когда встанете там уже вы, кто-то тоже может промахнуться… Заряжай! Изготовиться к стрельбе…

Люди там, подле мишеней, стояли спокойно. Или, может быть, просто боялись пошевелиться. Издалека не разобрать. Они стояли и ждали выстрелов. Направленных в них. Это очень неприятно стоять в полный рост, фронтом, развернувшись на стволы, подставляя под пули грудь, лицо, живот, которые ничем не защищены. Только тонкой кожей.

Вразнобой заклацали передергиваемые затворы.

– Стрелять по готовности!

Бахнул первый выстрел. Дернулись автомат и стрелок. Отлетела, упала в песок отброшенная, дымящаяся гильза. Пуля ударила в мишень, выбивая из нее щепу. Человек, стоявший возле, чуть вздрогнул, но не упал, не кинулся прочь. Остался стоять как стоял. Крепкие воины пришли к Галибу.

Еще выстрел… Еще… В черных кружках мишеней засветились дырки. Хорошо стреляют.

Теперь из положения с колена.

Встали, припали на одно колено. Прицелились. На этот раз они целились дольше.

Выстрел!

Выстрел!

Выстрел!..

Стопроцентное попадание. Мимо мишеней не ушла ни одна пуля. Потому что если мимо мишеней, то в живую человеческую плоть.

– Из положения стоя!

Выстрел!

Выстрел!..

Там, возле мишени, пошатшатнулся, присел боец. К нему побежали. Подхватили. Понесли. Горячая кровь капала в еще более горячий песок, мгновенно спекаясь. Ранение было легким, касательным. Но пуля, пробившая ткани, была настоящей.

– Продолжать упражнение! – спокойно скомандовал инструктор.

Выстрел!

Выстрел!

Выстрел!..

Больше промахов не было.

– Смена.

Теперь те, кто стоял подле мишеней, должны были стрелять. А те, кто стрелял, – встать перед дулами. Нормальная учеба. Для тех, кто стреляет, кто привыкает стрелять в живых людей. И для тех, кто встает под выстрелы, чтобы в бою лишний раз не пригибаться, чтобы привыкнуть к посвисту пуль. В бою учиться будет поздно.

И боевики это понимали. И не осуждали Галиба, хотя многим учиться было нечему – они уже убивали и уже бегали под пулями. Но, возможно, не все. Прав Галиб – настоящие воины не должны бояться. И не должны бояться смерти.

– Стрельба по готовности!

Выстрел!

Выстрел!

Выстрел!..

Черт! Еще один из бойцов схватился за руку, крутнулся на месте, упал. Все глянули на стрелявшего.

– Так вышло, – развел он руками.

Может так, а может, иначе… Пары были подобраны тщательно. Против того, кто стрелял, почти всегда стоял боец из враждебного рода. Которые раньше или теперь имели друг к другу серьезные претензии. А здесь – сошлись.

Раненого, придерживая с двух сторон, потащили в казарму.

– Перерыв пятнадцать минут, – приказал инструктор. – Разойдись.

И все разошлись. Но никто не ушел, потому что раны или даже смерть здесь никого не могли удивить. Тем более напугать. К ранам и смерти они привыкли. Никаких разборок на месте не возникло.

А там, за забором… Там – эта история могла иметь продолжение. Потому что кто-то кого-то в чем-то заподозрит, чего-то кому-то припомнит и решит кое-кому отомстить. Да и ладно… Лишние дрова костру не повредят…

Через неделю на базу прибыл сам Галиб, за которого сказал его ближайший помощник:

– Галиб доволен вами. Вы опытные бойцы и готовы к войне с неверными. Галиб хочет наградить вас.

И каждому боевику командиры вручили золотой кинжал, богатую куфию, тисненный серебром Коран и пачку денег. Отчего глаза у воинов Аллаха алчно заблестели. И это было правильно, потому что, когда ты собираешь войско, скупиться нельзя. По крайней мере при первых вербовках. Разбрасывай деньги, и люди к тебе потянутся. Особые премии получили раненые. Которые за такую компенсацию готовы были, чтобы их даже убили.

– Ступайте домой и расскажите каждому, что Галиб справедлив, что он не бросает в беде тех, кто пострадал за наше дело.

Воистину справедлив! И щедр. О чем скоро узнали все. В семьях. На базарах. На улицах.

– Галиб удачлив и щедр. Галиб платит своим воинам больше, чем другие. Галиб собирает армию, которая сокрушит неверных!

И люди потянулись.

– Мы хотим служить Галибу.

– Мы рады вам, «братья». Но, служа Галибу, вы не должны сомневаться в нем, вы должны подчиняться его приказам. За ослушание – смерть.

– Мы знаем. Мы готовы ему служить. Он воин Аллаха и воюет за правое дело. Мы будем подчиняться ему, даже если он пошлет нас на смерть, даже если он прикажет убить брата!

Еще трое, которые пришли к нему. И значит, не придут ни к кому другому.

* * *

– Мы хотим говорить с Галибом.

– Кто вы?

– Мы от Данияра, сына Гази.

– Мы знаем его. Он храбрый воин.

– Он очень храбрый воин. У него много бойцов.

– Что он хочет?

– Он хочет встретиться с Галибом.

– Что ему нужно от Галиба?

– Он скажет это сам.

– Хорошо, Галиб встретится с ним.

Встреча состоялась. Галиб был в привычном всем халате, с кинжалом и четками. И сидел, как обычно, навалившись на спинку кресла и расставив ноги. Но встал, когда в дверь вошел Гость. И протянул навстречу ему руки.

– Галиб рад тебе! – приветствовал Гостя помощник.

И к этому, к молчанию, уже тоже все привыкли как к кинжалу, Корану и четкам. Галиб молчал, но его дела говорили за него лучше, чем если бы он болтал без умолку.

Галиб указал на кресло. Гость сел.

– Мы знаем тебя, Галиб, как сильного и удачливого воина.

Галиб кивнул.

– Мы бы хотели быть вместе с тобой.

Ну это понятно…

– Но мои люди не могут прийти к нему рядовыми бойцами. Мы – сами по себе. У нас много людей, много оружия, много боеприпасов. Мы умеем хорошо драться, мы убили много неверных.

– Галиб знает и уважает тебя, Данияр! Ты известен всем. Но что ты хочешь?

– Полноправного союза. Между нами и Галибом. Мы делаем одно дело и служим одному богу. Мы бы хотели объединить наши усилия, чтобы стать сильнее. Вдвое сильнее!

– Это мудро. Две руки держат оружие крепче, чем одна! Но кто в этом союзе станет главнее? Кто будет командиром? Кто возьмет на себя ответственность перед Аллахом?

– Мы оба!

Галиб покачал головой. Помощник понял.

– У стаи не может быть двух вожаков, иначе стая раздерется. У стаи может быть один вожак! Тот, который отвечает за все.

Данияр помрачнел. Но он пришел. И уходить не собирался.

– Что может предложить мне Галиб?

– Ты можешь продолжать командовать своими людьми. Галиб не будет лезть в твои дела – ты будешь сам решать – миловать или казнить своих бойцов. Это твои люди и подчиняться они будут только тебе и никому иному. Но тебе придется исполнять приказы Галиба, которые он будет отдавать тебе. Галиб будет решать, где, как и когда нанести удар неверным и что должен делать каждый из воинов. У одного коня не может быть двух всадников, которые скачут в разные стороны. Узду должен держать кто-то один.

– Наверное, так.

– Ты будешь подчиняться Галибу, но как равный равному, ибо это угодно Аллаху, ради нашей общей победы. Но Галиб не сможет унизить тебя пред твоими людьми. Вы станете «братьями» – его враги будут твоими врагами, даже если это твои друзья. Твои враги станут врагами Галиба. Согласен ли ты?

Задумался Данияр. Но он пришел сюда, а раз пришел, он был готов уступать!

– Хорошо. Я буду подчиняться приказам Галиба, если мои люди будут подчиняться только мне и никто из командиров Галиба не будет отдавать им приказов, только если я не разрешу им этого.

– Да, так. Если приказ будет отдавать Галиб через твою голову, то твои люди не станут исполнять его и не понесут за это наказания. Но если тебя не будет или ты не сможешь отдать приказ, то они должны подчиниться командирам Галиба, чтобы не пострадало наше общее дело. Ибо ты не можешь быть везде и сразу.

– Согласен. Если я не смогу отдать приказ, то пусть это сделают люди Галиба, так как в бою подчиняются тому, кто ближе. Это правильно. Пусть будет так! И пусть победы станут нашими общими победами, а поражения – нашим общим горем.

Все поглядели друг на друга. И встали. Почти одновременно. Галиб сделал шаг и еще один и крепко обнял своего гостя, который стал его «братом»!

Сделка состоялась. И это было уже серьезно, потому что союз с Данияром был значимей прихода тысячи одиночек. К Галибу, под его знамена, пришел известный и всеми уважаемый командир. На которого оглядываются очень многие. Он признал Галиба за равного и согласился стать его правой рукой. И теперь за ним и глядя на него должны будут прийти другие. Прийти многие!

Полку Галиба прибыло!

И будет прибывать!

* * *

Баланс был неутешительным.

Если сотне боевиков платить хотя бы по сто долларов в месяц, это будет десять тысяч. Но платить сто будет мало, некоторые конкуренты платят больше. Их «ставку» следует перебить. Платить следует двести. А если их не сто, а тысяча? Плюс пенсии семьям погибших. А гибнуть они будут. Обязательно. И часто. Положи еще по тысяче на каждую усопшую душу… Деньги на премии… И на погребение тем, кому не повезло их получить. Траты единовременные, но не маленькие – тысячи по полторы хоть за то, хоть за другое… Оружие, амуниция, транспорт, жилье… Питание. Боевик должен кушать хорошо и много, иначе сбежит, несмотря на солидный оклад. Продукты здесь дешевые, но количество… Гонорары сексотам. Здесь вообще прогнозировать что-либо сложно – кто-то стоит центы, кто-то миллионы. Смотря, насколько близки они к источнику информации и что конкретно узнали… Вербовщики, наемники, шпики, киллеры и пр.

Итого… И в остатке…

Ничего в остатке! Нужно идти за деньгами.

Куда? Туда, где они есть. Где их больше всего. Если кому-то нужны деньги, они идут в банк. Потому что деньги хранятся там. Но банки охраняют. Надежно…

Опять грабить инкассаторскую машину? Это самое простое – остановить где-нибудь в укромном месте и вскрыть как консервную банку. Но сколько там

будет – миллион, три, пять? Мало. Через пару-тройку месяцев опять придется изыскивать средства. И опять чего-нибудь грабить, отвлекаясь от основного дела. Ну не разбойник же он с большой дороги… Нет, тут вопрос нужно решать кардинально. Денег нужно много. И взять их нужно разом.

Конечно, можно захватить банк. При таком числе боевиков это не проблема. Обложить какой-нибудь банк со всех сторон, ворваться, пострелять немного, заставить вскрыть хранилища, а если не получится, взорвать бронированные двери, потому что, если не бояться шума, вскрыть можно что угодно.

Приедет полиция…

Ну да, приедет пара-тройка машин. И бравые копы столкнутся с толпой вооруженных окопавшихся в городском ландшафте боевиков. И что они смогут с ними сделать? На пулеметы грудью полезут? Вряд ли. Полиция, она хороша против бандитов-одиночек, но не против вооруженных, практически армейских формирований. Начнется бой, в котором у полиции нет никаких шансов, хотя бы потому, что они не имеют опыта полномасштабных боевых действий, тяжелого, для подавления пулеметных гнезд, вооружения. И еще потому, что они будут думать о безопасности гражданского населения. Нет, эти в драку не полезут, эти отступят.

Что дальше?

Дальше они затребуют подкреплений. Но пока те прибудут, из того банка можно будет вынести все до последней скрепки. В крайнем случае можно по пути их предполагаемого следования устроить несколько огневых засад и пожечь автомобили с помощью гранатометов. Правда, всё это уже будет напоминать маленькую войну.

Минусы?

Очевидны – массовая гибель работников банка, полицейских, случайных прохожих и спешащего на помощь подкрепления. Коли уж намечается война. Шум. Много шума. Слишком много… И как следствие – погоня. Которой не избежать. Потому что, когда столько нападавших, и жертв, и свидетелей, да еще веб-камеры на каждом углу, уйти тихо вряд ли удастся. Тут полиция сработает оперативно. Это они умеют. Перекроют аэропорты и вокзалы, начнут

облавы на автобанах, усилят пограничные переходы. В итоге – прорываться придется с боем. Хотя и с деньгами…

Как черновой вариант – пойдет. Но лишь как черновой. Хотелось бы придумать что-нибудь более изящное. Чтобы без шума и пыли. Без погонь и закрытия границ. Потому что отбиваться от пограничников и армии – это не полицию гранатометами распугивать, это всерьез. В идеале, чтобы деньги получить и тихо откланяться.

Возможно такое?.. Хотелось бы… Только как можно попасть в банк, а попав в него, проникнуть в хранилища без шума?! Без стрельбы, взрывания бронированных дверей, перестрелок с полицией. Прийти попросить – пустите нас, люди добрые, в ваш банк, нам деньги нужны? Срочно. И они, конечно, растрогаются, и отворят двери, и отсыпят сколько просят… Держи карман…

А почему бы не подержать?.. Карман… Пошире? Если прийти… И попросить? По-хорошему… Ну можно же убедить людей, если постараться!

А ну-ка, разовьем эту абсурдную на первый взгляд мысль… Есть банк, в нем защищенное бронированными стенами и дверями хранилище. В хранилище – деньги. Не просто так, а в сейфах, которые тоже придется взрывать и пилить… Есть сотрудники банка – охрана на входе, которую придется нейтрализовать, охрана внутри, в коридорах, в хранилище… Есть операторы и менеджеры – эти не помешают, но и не помогут. Они – планктон. А кто не планктон? Управляющий… Который начальник над всеми. Но в хранилище единоличного доступа он тоже не имеет. И кого тогда просить?.. Некого просить… А хочется! Хочется так попросить, чтобы не отказали! Как? А черт его знает!

А ну-ка еще раз…

И еще… И еще… Со всех сторон. Покрутить, пощупать, попробовать на зубок. Потому что должно быть решение. Не может не быть! Всегда есть! Только надо умудриться его найти!

* * *

В головной офис одного известного Европейского банка зашел человек и обратился к охране:

– Мне бы с управляющим встретиться.

Но не с управляющим, а с управляющим управляющими. С тем, который над всеми сидит. И ножки свесил. С президентом банка.

– А вы кто, собственно?

– Я заемщик. Мне деньги срочно нужны.

– Так это не к нам, здесь денег нет, они в отделениях. Здесь дирекция находится.

И непрошеного посетителя стали тихонько выталкивать за дверь. Но очень культурно выталкивать, чтобы случайно не помять. Потому что Европа. Стали обступать и оттеснять к выходу, сладко улыбаясь.

– Вы можете пойти в ближайшее отделение банка, которое располагается недалеко отсюда, всего в трех кварталах…

– Мне не нужно в отделение. Мне нужно сюда, – покачал головой посетитель. – Передайте вашему боссу, что я пока тут подожду.

– Чего подождете?

– Когда он меня примет. Потому что я по рекомендации.

– Чьей?

– Его жены. И его родителей.

Сумасшедший какой-то. Похоже, надо психушку вызывать… Но психушку не вызвали. Хотя собирались, потому что прибежал Начальник службы безопасности. Сам. Лично. И, нервно оглядываясь по сторонам, спросил:

– Где он?

– Кто?

– Не знаю… Ну, то есть тот, который к Президенту. Который, хотел с ним встретиться. Где он?

Охранники недоуменно переглянулись. И подумали, что психушку все же надо было вызвать. Для них.

– Он там.

– Где?

– В кафе напротив. Он сказал, что там подождет. Чтобы его оттуда позвали.

– Ну так зовите!

За посетителем побежали. Его нашли. Перед ним извинились. Его пригласили. Его сопроводили…

– Вот видите, а вы говорите через три квартала…

Точно, мир сошел с ума. Чтобы какого-то случайного прохожего, сам президент банка. А Начальник службы безопасности лично бегал! Ну только если по какой-то особой рекомендации…

Ну да – рекомендации, которая имела место быть… По рекомендации родителей. Президента банка. Его папы и его мамы, которые позвонили и пожаловались:

– У нас здесь какой-то человек.

– Какой человек? О чем вы?

– Какой-то. С пистолетом. Рядом сидит.

– С пистолетом? Он что, грабитель? Если грабитель, отдайте ему всё, что он хочет взять, и пусть убирается. И скажите, что, если он просто уйдет, я не стану заявлять в полицию.

– Он не уйдет. Он не грабитель.

– А кто тогда?

– Он сказал, что хочет с тобой поговорить.

Что за чертовщина!

– Дайте ему трубку!

Трубку дали.

– Эй вы! Вы кто?

– Никто.

– А зачем вы…

– Я хочу попросить вас принять одного посетителя.

– Какого?

– Того, что ожидает приема на входе в ваш банк. Теперь ожидает.

– А вы не боитесь, что я сейчас… – повысил голос банкир.

– Я ничего не боюсь, – спокойно ответила ему трубка. – Но если вы откажете во встрече, я буду вынужден застрелить ваших родителей.

– Послушайте! Прекратите это… Этот шантаж. Давайте договоримся – я переведу вам деньги… Сколько вам надо? Пятьдесят тысяч? Я переведу по любому указанному адресу пятьдесят тысяч долларов, и вы уйдете.

– Мне не нужны ваши деньги.

– Ну, хорошо, раз не нужны, тогда – сто тысяч. Я переведу их немедленно. Сто тысяч. Это хорошие деньги.

– Они мне не нужны.

– А что, что вам нужно?! Что?! Черт вас раздери!

– Мне нужно, чтобы вы приняли посетителя, который теперь находится в банке.

– А если я сейчас…

– Если вы вызовите полицию, ваши родители умрут. Раньше, чем полиция успеет что-то сделать. А если выполните мою просьбу – я уйду. Передаю трубку.

– Он убьет нас. Убьет, – тихо и обреченно сказала мама.

И то, что она не кричала, что говорила тихо, убеждало сильнее любых истерик.

– Он обещал. Он выполнит обещание. Он такой… Он пришел убить нас.

– Не бойтесь. Все будет хорошо. Я обо всем договорюсь. Только не надо его злить. Предложите ему вина… Ну или еще что-нибудь. Я сейчас. Я разберусь.

Он все еще не верил в серьезность происходящего. Все еще думал, что это какой-то псих, или розыгрыш, или мистификация… Но тут позвонила жена.

– Что случилось? К вам кто-то пришел?

– К нам?… Нет, никто не приходил…

Ну, слава богу!

– Просто какой-то ненормальный выстрелил в окно в твоем кабинете. И случайно попал в вазу, ну ту, китайскую, твою любимую, которую мы купили на аукционе, когда были…

– Все, я понял, – резко прервал болтовню супруги Банкир. – Немедленно бери детей и спускайся с ними в подвал.

– В подвал? Зачем в подвал?

– Ничего не спрашивай. Делай, что я тебя прошу. Закрой все двери и спустись в подвал. И никому не открывай! Я перезвоню…

Теперь Банкир уже не думал, что это шутка. Теперь он как загнанный зверь ходил из стороны в сторону по кабинету, потому что не мог сидеть.

Дверь открылась. Вошел человек. Обыкновенный. Банкир бросился ему навстречу. Но не затем, чтобы пожать руку, потому что ладони его были сжаты в кулаки.

– Если с моими родителями, с моей семьей хоть что-то случиться…

– Конечно, случится, – спокойно ответил посетитель. – Их убьют. Если вы не успокоитесь и не выслушаете меня.

Банкир замер. Затих. Сел. У больших людей из большого бизнеса крепкие нервы. Другие там не выживают.

– Что вы хотите?

– Получить кредит.

– Сколько?

– Двести пятьдесят миллионов долларов.

Банкир усмехнулся.

– Вы же понимаете, что это невозможно, даже если вы застрелите всех моих родственников. У меня нет таких денег.

– А я прошу их не у вас. Я прошу их у вашего банка. А у банка такие суммы есть. У банка их много больше, чем я прошу. Двести пятьдесят миллионов для вашего учреждения небольшие деньги. Маленькие деньги. Вы же знаете ваши обороты.

– Но я не могу приказать. Я Президент, но я всего лишь наемный работник. А есть еще Учредители, есть владельцы банка. Вы пришли не по адресу.

– Вы предлагаете пойти к ним?

– Я ничего не предлагаю, – занервничал Банкир. – Достаточно того, что вы, ваши люди, пришли ко мне. Я могу дать вам миллион. Может быть, два. Но это предел моих возможностей. Берите и оставьте моих близких.

– Миллиона мне будет мало. Мне требуется двести пятьдесят миллионов. И я думаю, что владельцы банка не откажут мне. Если вы им все правильно объясните.

– Что?

– Объясните, что двести пятьдесят миллионов – это выгодная сделка. Что, если эта сделка не состоится, они потеряют больше.

– Каким образом? Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Позвоните в филиал вашего банка. Вот в этот. – Посетитель протянул бумажку. – И попросите начальника охраны подойти к женщине, которая сидит в вестибюле за столиком.

– И что?

– Пусть он подойдет.

Мгновение посомневавшись, Банкир набрал номер.

– Там у вас в вестибюле, в кресле, за столиком сидит дама. Подойдите к ней… Не надо спрашивать зачем. Просто подойдите… Быстрее!

Странный звонок… Причем оттуда! Причем Самого!

Начальник охраны вышел из кабинета и прошел в зал, где стояла небольшая очередь к стойкам обслуживания. И еще там, возле банкоматов, толпились люди. Он вышел в зал, огляделся и заметил… Да, точно, женщина. Восточного типа. В платке. Сидит в кресле, в руках какой-то журнал, который она держит вверх ногами. Подошел к ней. Остановился в шаге. И что дальше?

– Он пришел. Что ему делать дальше? – спросил Банкир.

– Ничего, она знает, что делать. Пусть скажет, что он Начальник охраны.

– Назовите себя. Скажите ей, кто вы.

– Я Начальник охраны…

Дама кивнула и встала… Встала, повернулась к нему и распахнула пальто.

Мама моя!

Тело дамы было перехвачено поперек двумя поясами с многочисленными кармашками. Их было очень много этих кармашков, и каждый был набит пластидом. Ну не пластилином же! И куда-то уходили разноцветные проводочки. И подходили к кнопочке. Которую двумя пальцами удерживала дама. В нажатом состоянии. И это был самый безнадежный расклад, потому что, если бы смертнице нужно было для приведения бомбы в действие нажимать кнопку, был шанс застрелить ее, оглушить, выбить из руки пусковой механизм или даже отрубить руку…

А так – нет. Если ее убить или оглушить, она потеряет сознание, ее пальцы ослабнут, отпустят кнопку, и контакты замкнутся. Ничего с нею нельзя было сделать!

Начальник охраны побледнел. Это же… Это же килограммов пятнадцать. Пластида. Это же если рванет!

– Предупредите его, пусть он не пытается убегать. Он всё равно не успеет. Пусть стоит на месте. Никому ничего не говорит. И ничего не предпринимает.

Банкир кивнул. И повторил в трубку сказанное слово в слово. Только Начальник охраны и так стоял на месте. Как парализованный.

Дама запахнула пальто. Села и взяла в руки журнал. И все это она сделала механически, безучастно, с лицом, на котором не было выражения. Никакого. Ни злобы, ни страха, ни растерянности, ни торжества. Она была как зомби. Она и была зомби, пока еще живая, но… уже почти мертвая.

– Если она взорвет бомбу, то живых в вашем банке не останется. Может, и банка, и всего здания не будет, – тихо сказал посетитель. – Это очень мощная взрывчатка. Только не надо глупостей! Если вы позвоните в полицию и полиция приедет, то наш человек, не в банке, а снаружи, приведет бомбу в действие дистанционно.

– Зачем вам это? – обреченно спросил Банкир.

– Затем, что мне нужен кредит. Я уже говорил.

– Вы предполагаете, что если я сейчас позвоню Учредителям и скажу, что вы грозитесь взорвать отделение нашего банка, они пойдут вам навстречу?

– А вы скажете не так. Вы скажете, что я собираюсь взорвать не одно отделение вашего банка. Не только это. Я собираюсь взорвать сразу несколько отделений вашего банка. В разных городах. И в разных странах. И что я могу взорвать их с этого телефона.

И посетитель вытащил самый обычный мобильный телефон.

– Я нажму автоматический набор номера и через несколько секунд… А если это не смогу сделать я, то это сделают мои люди в ваших банках. Сомневаетесь? Тогда перезвоните по другим номерам. По любому. Или по всем.

Банкир нервно взглянул на него. И на переданную ему бумажку. И набрал номер. Еще один. Наугад.

– У вас на входе должен сидеть человек… Сидит? Подойдите к нему.

Там, в другом городе и другой стране точно сидел человек. В плаще. И чего-то ждал. Или кого-то. К нему подошли.

– Попросите его расстегнуть одежду.

Попросили. Он расстегнул, потому что должен был. Для чего тут и находился. Под плащом у мужчины была разгрузка с карманами. И в каждом кармашке… И проводочки… И кнопочка… Уже нажатая! Черт побери!

Банкир положил трубку.

– Кто вы?! – спросил он.

– Человек, который умеет считать. И вам рекомендует. А вы – своим хозяевам. Вам интересна моя арифметика?

Банкир механически кивнул.

– Тогда начнем сначала. Допустим, если мы не договоримся, то первыми умрут ваши родители. И возможно, погибнет ваша семья.

Банкир стиснул зубы.

– Но это лишь первоначальные траты, которые ваших хозяев не впечатлят. Вряд ли они пожертвуют деньгами ради спасения чужих, ваших близких. Но далее последуют другие потери. Ведь если случатся взрывы, то только прямые затраты на ремонт и восстановление зданий составят несколько десятков миллионов долларов. А еще сгоревшие в случившихся пожарах деньги. Утраченное оборудование. Компенсации семьям погибших работников. Лечение уцелевших. Похороны… Но это не главное. Это пустяк в сравнении с последующим уроном.

Банкир внимательно слушал. И даже с каким-то интересом.

– Прямые убытки – это ерунда. Ведь за ними последуют гораздо большие. Кто-то задумается и спросит – почему выбрали именно ваш банк. А не другие? И взорвали сразу несколько отделений? Одновременно. И не станут ли неизвестные злоумышленники взрывать их и дальше… А мы пообещаем, что будем. Именно вас! И конечно, нас услышат. И кто после этого пойдет в ваш банк? Кто захочет рисковать жизнью? И вкладами? И что случится с вашими вкладчиками? И на бирже с вашими акциями? По какой цене они станут торговаться? Особенно если случится еще один взрыв? Чуть позже, который обязательно случится. Согласны?

Банкир непроизвольно кивнул.

– Да, мы жестоки. Мы взрываем. Но мы вас только раним. А добьют вас другие. Конкуренты… Брокеры… Вкладчики… Юристы потерпевших сторон… Надзорные органы… Потому что таковы законы бизнеса! Они более жестоки, чем мы. Вы споткнетесь на нас и уже не подниметесь. Вас никто не пожалеет. Вас догонят. Опрокинут. И добьют. Постараются добить. Мы лишь запустим процесс обвала, а остальное сделают другие. Не упустят такой возможности. И это не двести пятьдесят миллионов. И даже не полмиллиарда. Это гораздо больше.

Банкир дернулся. Потому что это было так! Эти, бандиты могут забрать двести пятьдесят миллионов – вполне подъемная и даже не самая большая для банка сумма. Эти со своими запросами не страшны. А вот те, другие – цивилизованные, в хороших костюмчиках, с прекрасным образованием и родословной джентльмены, те точно своего не упустят – обглодают до косточек. Без всякой жалости и сомнений. Как стая, которая сгрызает подранка, даже если это их вожак. Слабый должен умереть. И накормить своим мясом более сильных.

Законы природы и бизнеса одинаковы. Потому что это законы естественного отбора. Где, если не сожрешь ты, – сожрут тебя! В мгновение ока. Обглодают, как пираньи, тушу быка! И этот взрыв, эти взрывы, будут сигналом к всеобщему пиршеству. Их активы растащат и поделят в мгновение ока. Их акции обрушат и скупят по дешевке. Их клиентов уведут в чужие офисы. А их работники побегут еще раньше, чем запахнет жареным. Как крысы с еще даже не тонущего корабля. Им будут сочувствовать и… будут топить! Им будут соболезновать и… разгрызать еще живую, еще вздрагивающую тушу. Одновременно! Именно так все и случится! И двести пятьдесят миллионов за то, чтобы избежать подобного

сценария развития событий, – не цена. Так, очень средненький гонорар. И даже если не будет взрывов, если просто кто-то узнает, что была такая возможность, такое намерение, то и тогда убытки могут значительно превысить стоимость запрашиваемого выкупа!

Они всё очень хорошо просчитали, эти гангстеры. Ну или кто они такие есть?..

Он прав. Банк даст деньги. И еще попросит никому ничего об этом не рассказывать! И еще приплатит за молчание! Потому что молчание – золото. В этом случае – точно золото! По курсу биржи на день покупки.

Посетитель вопросительно смотрел на Банкира.

– Я услышал вас. Я переговорю со всеми заинтересованными сторонами.

Посетитель продолжал смотреть.

– Я отвечу вам в самое ближайшее время, – еще раз сказал Банкир.

– Вы не верите мне?

– Ну почему… Верю. Конечно. Но собрать всех, обсудить… Завтра, до обеда…

– Вы не верите мне, – повторил посетитель. И поднял к уху мобильный телефон.

И отчего-то Банкир не остановил его. И даже не встал с кресла. Сидел как пригвожденный. Посетитель набрал номер и сказал одно слово. Только одно слово:

– Действуйте.

И где-то там, далеко, в одном из филиалов банка, сидевшая в кресле девушка встала и пошла к выходу. Просто встала и пошла. Не сказав ни слова. Начальник охраны облегченно вздохнул, провожая ее взглядом.

Женщина вышла из банка и пошла по улице. Прошла шагов сто… И тут…

Наверное, кто-то нажал кнопку. Вряд ли она сама. Кто-то, наблюдавший ее издалека, нажал кнопку радиовзрывателя. Сигнал прошел. Контакты замкнулись. Бомба взорвалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/il-in_andrey/smert-olovyannyh-soldatikov

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити